PG3328
.Z6
T84

АЛЕКСАНДР ЦЕЙТЛИН

ПОВЕСТИ О БЕДНОМ ЧИНОВНИКЕ ДОСТОЕВСКОГО

(к истории одного сюжета)

МОСКВА
1923

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3328
.Z6
T84

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
10003143518

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
NOV 19 1977	MAY 2 '78		
APR 28 1979 W	6 '79		
AUG 18 1980	AUG 19 '80		
8/13			
NOV 20 2004			
JAN 12 2005			

Form No. 513

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/povestiobednomch00tset

АЛЕКСАНДР ЦЕЙТЛИН

MC
PG3328
.Z6
T84

ПОВЕСТИ О БЕДНОМ ЧИНОВНИКЕ ДОСТОЕВСКОГО

(к истории одного сюжета)

МОСКВА
1923

ПОВЕСТЬ
О БЕДНОМ ЧИНОВНИКЕ
ДОСТОЕВСКОГО

(К истории одного сюжета)

„Значение второстепенных писателей редко бывает ценимо с соответственных точек зрения... Даже у историка литературы он не получает должной оценки, иногда не находит даже места в обзоре того периода литературы, славу которого, как казалось его современникам, должен был составить. А между тем, кто же, как не историк, мог бы найти точку зрения, с которой писатели, забытые потомством, или не оцененные современниками, должны быть оценены и реабилитированы во внимании читателей. Каково бы ни было теперь художественное значение их произведений, их исторические заслуги стоят вне всякого сомнения... Их служебная роль значительна и почетна. Миру искусства не чужд тот процесс, который мы замечаем в поступательном движении науки, где обобщающая мысль гения, лишь опираясь на всю совокупность мелких разъединенных наблюдений, вносит единство и гормонию в разобщенные результаты частных исследований... Судьбы отдельных исторических образов и сюжетов дают многочисленные примеры аналогического движения в истории литературы: и здесь **всякое крупное творение есть результат преемственного развития общих мотивов**, и здесь... всякое большое движение выражается не только в бессмертных его представителях, но и в целом ряде писателей второстепенных, о которых не только грешно, но и опасно забывать". [1])

Эти блестящие положения, выставленные А. Г. Горнфельдом, особенно приходится поддерживать тем, кто исследует преимущественно темы и мотивы в их литературном развитии. Фабулаторный остов произ-

ведений большей частью „ничей“. Из глубокой древности тянутся к нам немногочисленные темы и мотивы, и из комбинаций этого сравнительно небольшого количества мотивов и создаются все литературные произведения, включая сюда и самые величайшие; достаточно припомнить так называемые „мировые образы“ Дон-Жуана, Фауста, Дон-Кихота. Материал, которым пользуются все писатели, фабулаторный скелет, у всех одинаков, и тем более мы должны поэтому обращать внимание на мелких писателей Сюжеты всегда эволюционируют. Но, конечно, для того течения среди историков литературы, которые под нею понимали „историю литературных генералов“, для тех, кто ее изучает только по Пушкину и Гоголю, Толстому и Достоевскому—для тех такая эволюция мотива будет незаметна. Как родословные генеалогические ведутся от какого нибудь обязательно „именитого“ предка, так и литературные генеалогии указывают также на генерала от литературы.

По отношению к Достоевскому формула достаточно известна: „Достоевский явно отправляется от Гоголя; он это подчеркивает“. [2]) Наблюдения по этому поводу В. Ф. Переверзева углубились Ю. Н. Тыняновым и В. Виноградовым, но они конечно не исчерпали вопроса, ибо дело не только в Гоголе и Достоевском, а и в окружающей их среде, в том, что Достоевский получил Гоголевское наследство не только непосредственно, но и косвенно, через Даля, Гребенку, Михаила Достоевского, Буткова и сотню мелких писателей, которые Достоевскому были несомненно известны, им читались, и в массе своей производили на него влияние не меньшее, чем Гоголь. Если к тому же мы примем во внимание, что и Гоголь, конечно, величина не первичная и не единая, что и его надо поставить в окруженье литературными спутниками, то станет ясной необходимость изучать мотивы в их бытовании в известной литературной среде.

Этим в значительной степени определяется план нашей работы: изученье темы „бедного чиновника“ должно

быть начато с изучения почвы, на которой пришлось действовать Гоголю; далее должна быть выяснена его роль в развитии мотива. Затем, оставляя Гоголя позади, мы самым тщательным образом исследуем „гоголевцев“, ту натуральную школу, которая, перефразируя крылатое выражение Гончарова, „разменивала литературный миллион Гоголя на литературные гривенники“. Только после этого неизбежно большого вступленья мы сможем перейти к анализу тем и мотивов у молодого Достоевского, уяснив всю историко-литературную закономерность его произведений ранней поры. [3])

Сделаем несколько предварительных замечаний о терминах, которыми нам придется оперировать в дальнейшем: их пять. Некоторая детализация терминологии Александра Н. Веселовского необходима, так как сюжетика фольклора, к которой эти термины применялись, их мало углубила. Мы называем фабулой произвольную передачу „содержания“ произведения; наоборот, сюжет есть фабула научно сформулированная, в которой ясны были бы составные части фабулы. Эти составные части суть: тема—простейшая статическая единица сюжетосложения, не дающая указаний на то, в каком разрезе она будет развернута (напр. тема „бедного чиновника“). Мотивом же обозначим простейшую динамическую единицу сюжетосложения (напр. „любовь бедного чиновника“). Тема несколько более общий термин, нежели мотив, так как, вообще говоря, может быть развернута несколькими мотивами (напр. тема „бедного чиновника“ развертывается мотивами „неудач чиновника по службе“—„в любви“—„материальных неудач“ и пр.).

Ситуацией мы называем известный эпизод сюжета взятый статически, „затвердевшим“.

I.

Несомненно что тема „бедного чиновника“ зародилась в русской литературе задолго до Гоголя. Ее можно было бы начать еще с XVII века, с „повести о Фроле Скобееве“, с истории женитьбы этого „ябедника“ на

дочери знатного боярина Нащекина, наметить в XVIII веке в русском романе и в повести начала XIX века в сатирических журналах. Мы не задаемся выяснением ее генезиса, так как нас интересует преимущественно повесть 40-х годов, в частности повесть Достоевского. Несомненно, что и у Гоголя в развитии этой темы были предшественники и более близкие, именно в русской литературе 30-х годов. Это можно было бы заметить и априорно: мы знаем в настоящее время „безсюжетность" Гоголя. Он брал случайный анекдот и клал его в основу сюжета произведений.[5]) Рассказ о рассеянности Виельгорского лег в основу пов. „Коляска", Пушкинские рассказы образовали ядро „Ревизора" и „Мертвых душ",[6]) наконец, как это превосходно доказал недавно В. Виноградов, и повесть „Нос" родилась в атмосфере чрезвычайного „носологического" оживления 30-х годов, и Гоголю оставалось произвести отбор и комбинацию накопившегося материала.[7]) Две наиболее значительные „чиновничьи" повести, „Записки сумасшедшего" и „Шинель" также родились из случайно слышанных рассказов: об одном сумасшедшем чиновнике и о чиновнике, потерявшем ружье.[8]) Но уже существовала в 30-х годах намечающаяся традиция—брать героями „бедных чиновников", рисуя их быт и психологию. Уже в начале 30-х годов знаменитое „Горе от ума" имело в числе действующих лиц и образ Молчалина, бедного секретаря управляющаго значительным местом Фамусова, переведенного из Твери в Москву. В него влюблена дочь Фамусова, он не любит ее и „терпит скуку" в надежде на карьеру. Превосходная фигура Молчалина уже тогда становится нарицательною для обозначения карьериста, и мы увидим далее, как многие писатели натуральной школы подхватывают этот образ.

Видное место в бытописании этой городской бедноты занимает Булгарин, сразу намечая тот юмористический жанр, из котораго выйдет впоследствии „Шинель". Упомянем здесь его „Послание губернского се-

кретаря Петушкова к Христофору Колумбу", „Плач подячего Н. Ф. Тычкова над сводом законов" „Три листка из дома сумасшедших", повествующие о чиновнике впавшем в амбицию и сошедшем с ума (1834). Лишь год отделяет эти „Три листка" от дневника также впавшего в амбицию Поприщина.[9]) Комедийный уклон намечается в изданной в 1835 году пьесе Загоскина „Новорожденный", своеобразном гротеске. У чиновника карьериста рождается сын. Он называет его Андреем, „в честь Андрея Первозванного", и спешит уведомить об этом всех знакомых превосходительных генералов, князей и др., также Андреев, пишет им в льстивых выражениях письма, уверяя, что он назвал сына в честь этого генерала (или князя). Чиновник этот принимается в салонах, благодаря лести карьера его устроена. Но, когда он после хлопот и визитов возвращается домой, супруга извещает его, что „Андрей" скончался. Здесь есть уже зерно будущих сюжетов. К тому же 1835 году относятся „Памятные записки титулярного советника Чухина"—авантюрный роман того Булгарина из жизни бедного чиновника, учителя детей княгини. В этом романе особенно для нас интересна первая глава, повествующая о смерти бедного отца Чухина, описание его неказистого домика и сцена чувствительного его прощания с детьми. [10]) В этой повести также лишь эмбрион последующих его сюжетов. Но уже в 1839 году появляется превосходная, совершенно несправедливо забытая в наше время повесть Н. Ф. Павлова „Демон". [12])

У Андрея Ивановича, чиновника департамента, есть прелестная жена, которая влюблена в начальника мужа. А. И. просит его превосходительство оставить ему его жену. „В чем моя вина? Что у меня жена молода, что у меня жена красавица! Я все знаю, она бредит Вами... Вы б вечером, когда ложитесь в постель, покойны, счастливы, богаты, в чинах, вы б спросили, что делает бедный человек, у которого, если вы захотите, не будет

завтра ни постели, ни куска хлеба... Она во сне беспрестанно повторяет имя вашего превосходительства". Начальник выгоняет Андрея Ивановича... Проходят годы, и вот А. И. живет богато. „Кабинет себе устроил он уже не возле спальни и так далеко, что мог безмятежно предаваться трудолюбивым своим занятиям". И когда Андрей Иванович горделиво говорит „Был бы ум, деньги будут", то этим подчеркивается ситуация: муж „бедный чиновник, его жена красавица и его превосходительство, ее „покровитель"—ситуация, опять всплывающая через год (1840) в исторической повести Булгарина „Победа от обеда", где обрисовывается „быт человечества 14 класса". Коллежский секретарь Искрин любит дочь важного Карла Федоровича, Наташу, но он беден и потому... Мое положение таково, что мне непростительно было бы даже помышлять о дочери богатого начальника". „Любовь все побеждает, говорят его друзья, коллежские регистраторы"... Ему предлагают жениться на любовнице его превосходительства, обещают чины и деньги, но он с негодованием отказывается. У Наташи уже есть ненавистный ей жених, но на счастье влюбленных приезжает в Петербург—Потемкин. Искрину удается услужить ему на обеде (отыскал ему севрюжину). Потемкин узнает в нем сына одного из храбрейших офицеров и берет к себе Искрина секретарем. Финал ясен: Искрин выходит в люди и женится на Наташе. „Он употребил все свое значение на то, чтоб помогать своим прежним приятелям, не забывая никогда о прежнем своем положении". [11])

Следует напомнить о повестях Пушкина, разрабатывающих тему бедного человека. Правда, он не чиновник, а офицер („Пиковая Дама") или „Станционный смотритель". Но уже в „Медном Всаднике" появляется этот Евгений, герой „Петербурской повести" „Был он беден", „служит он всего три года". „Один, при свете свечки сальной, в конурке пятого жилья сидел чиновник. Скоро, смело перо привычное скрипело,—как видно,

малый был делец". Любопытно отметить, что первоначальный замысел Пушкина предполагал не безличного канцеляриста Езерского, а гораздо более крупное лицо (Анненков „Вестн. Евр." 1880, № 6). Очевидно, герой стал чиновником, потому что и Пушкина захватила эта литературная традиция.

Во всех этих рассказах и повестях еще не установлен единый стиль. Тема „бедного чиновника" разрабатывается в психологическом романе, исторической повести, бытовой комедии, фантастическом рассказе, авантюрном романе. Но важно то, что персонаж уже обрисовывается в контурах, и когда Гоголь является с „Записками Сумасшедшего", он развертывает мотив, который уже бытовал до него в литературе. И здесь роль Гоголя выразилась в том, что он канонизировал этот мотив, собрав мельчайшие его разработки воедино и ввел его в художественную литературу. Он канонизирует образы бедных, забитых чиновников Поприщина и Башмачкина, разрабатывает быт канцелярий и департаментов, намечает романтический мотив любви чиновника к дочери начальника, эпизодические образы значительного лица („Шинель"), которому суждено будет сыграть такую „значительную" роль в будущих повестях о чиновнике.

Новы ли были для русского читателя и критика все эти мотивы и образы? Конечно, нет, но ново было такое мастерское их развертывание, такой блестящий стиль. Это изложение, этот стиль произвели громадное впечатление, и если и до „Шинели", по словам самого Гоголя „над титулярным советником натрунились и наострились вдоволь разные писатели, имеющие похвальное обыкновение налегать на тех, кто не кусается („Шинель" [13]), то после 1842 года эти темы распространяются. Сороковые годы—время самого полного их развития, мы насчитываем около 150 рассказов, написанных до 1850 года, посвященных развитию этой темы,—цифра эта ни в коей мере, конечно, не исчерпывает материала.

Вся эта масса произведений в большинстве появилась позднее „Шинели“ и „Записок сумасшедшего“, под их несомненным влиянием. Большинство этих вариаций на гоголевские темы лишено самостоятельной художественной ценности. Хронологически этот поток достигает апогея к 1845 и 1846 годам, понемногу затем спадая, но упорно бытуя до 60-х годов. Связь этих произведений с Гоголем (особенно с „Шинелью“) несомненна—и в стиле, особом „натуральном“ стиле, эмбрионе будущего реалистического стиля 50 и 60 г.г., и в сюжетике и в композиции. Эту связь отчетливо восприняла и критика. „Акакий Акакиевич“ Гоголевской шинели, пишет напр. „Московский Городской Листок“, сделался родоначальником многого множества микроскопических личностей: микроскопические печали и радости, мелочные страдания, давно уже вошедшие в обыкновение у повествователей. [14]) Другой критик, Плетнев, говорит о водевиле Соллогуба „Букеты или петербургское цветобесие“: „Без Гоголя, вероятно, „Букеты“ поднесены бы были публике в ином виде, с другими фразами и даже при других шутках; но и теперь все же не без достоинства они... (так как) напоминают справедливо любимую ныне школу“. [15]) Но гораздо чаще критика была более сурова к этим подражателям. „Все эти новые произведения... ограничиваются до сих пор изображением мелких чиновников; от этого происходит утомительное однообразие в содержании наших новых повестей и романов... Недостаток молодой литературы состоит не в том, что она пишет о чиновниках, а в том, что она ничего другого не пишет“. [16])

Теснейшая связь стиля этих „натуральных повестей“ с Гоголевскими и слабая их оригинальность дает нам право разбирать их вне хронологической последовательности в общем анализе. Вдобавок, при недостаточности и неполноте материала всякая попытка изученья эволюции темы „бедного чиновника“ обречена на неудачу. Мы лишь выделим Достоевского, не только в

силу того, что он является в начале второго периода развития темы но и потому, что он оказывает на него известное влияние, углубляя и „выворачивая".

II.

„Нужно вам, однакож, все таки сказать, что это за господин Куфаркин; хоть оно лицо вовсе ничтожное в нашей повести, но автор сознается, любит обстоятельности во всем и по совести не может пропустить никакой мелочи, не отдав в ней подробного отчета читателю. Куфаркин мелкий чиновник... На нем не было ничего особенного, ему одному принадлежащего; лицо бледно-желтоватое, как и у всех тружеников; платье—известно какое платье—форма, в некоторых местах потерпевшая от носки и времени, но везде исправно починенная форма. Словом, этот человек был тихое, смирное, безгласное создание, которое само себе ничего не значит, а как будто существует для того, чтобы одной единицей увеличить массу сил работающей машины. Полно, так ли, господа? Присмотритесь ка, и у этого Куфаркина найдется много примет, по которым вы признаете его своим собратом... Куфаркин был предметом развлечения в скучно тянувшиеся часы службы: многие остряки трунили над его фамилией, изменяя эту несчастную фамилию и называя человека просто кухаркой, что и выходило очень смешно. [17])

Вот отрывок из повести „Один день из будничной жизни". Не надо быть большим знатоком Гоголя чтобы увидеть влияние великого мастера в этих нравоучительных, гуманных речах на тему „я брат твой", в фамилии Куфаркина (ср. Башмачкина), наконец, в самой манере сказа и сочинительских отступлениях. „Об этом портном, конечно, не следовало бы много говорить, но так как уже заведено, чтобы в повестях характер всякого лица был совершенно означен, то нечего делать, подавайте нам и Петровича сюда" („Шинель").

Во всех этих повестях чиновник беден, и все авторы настойчиво подчеркивают это состояние героя. Вот,

напр. повесть Лермонтова „Княгиня Лиговская“ (1839). Молодой чиновник шел из департамента, мечтая о награде и вкусном обеде, ибо „все чиновники мечтают“. На нем был картуз неопределенной формы и т. д. Вот как он разговаривает с оскорбившим его Печориным: „Моя жизнь горька, будущности у меня нет... Я беден... У меня одна мать старушка. Я все для нее: я ее провидение и подпора; потеряв меня, она либо умрет от печали, либо умрет с голоду“. У большинства таких бедных чиновниках есть где то мать—старушка, которой они посылают последние деньги—(штрих канонизированный) „Дочь чиновного человека“, „Записки студента“ и пр. Другой чиновник—жилец петербургских углов, Лебядкин „имел два обычая: один—очень похвальный, посылать ежемесячно 7 рублей матери и другой,—очень скверный,—пропивать остальное“. Со времени „Шинели“ особенное внимание писатели обращают внимание на костюм героя („худой гардероб“). „Шинель, служащая во времена года защитой ог непогоды, постелью, одеялом и халатом. Ворс на сукне походил больше на тюль, чем на сукно. Воротник из самой неблагопристойной шерсти какого то зверя, неизвестного еще зоологии“. В повести выводятся два чиновника—Иван Петрович и Петр Иванович; первый характеризуется чисто гоголевской обессмысленной гиперболой: „Самый неподражаемый талант обнаружил Иван Петрович в чинке перьев. Мне кажется, что пером его очинки самый тупейший из наших столоначальников мог с одного маху написать поэму вроде „Мертвых душ“. Как Иван Петрович, так и Петр Иванович были круглые сироты; как тот, так и другой ничего от своих родителей не получили, кроме бедности и благородства“. И далее немедленный переход к воротнику, „из весьма добропорядочной собаки, который был столь искустно подкрашен, подсвечен, что неопытный глаз наблюдателя мог принять за енотовый, хотя это был тот самый енот, что лает у ворот“. [20])

Их не перечесть, этих чиновников, бедных, забитых, жалких, обремененных многочисленной семьей, чиновников, которых выгоняют со службы по капризу его начальства (Панаев „Слабый очерк сильной особы“) Вот Федор Петрович Зяблин: „Это было существо, не обидевшее отроду не только ближнего, но даже собаки, никогда не жаловавшееся на судьбу и начальство, и едва ли когда обижавшееся, или, по крайней мере, весьма скоро забывавшее всякую обиду... Родители его, очень бедные люди, научили его только терпеливо переносить нужду и делиться последним с неимущим братом... Долгое время содержал он слепую мать и сестру своим маленьким жалованьем, пока, наконец, первая не умерла, а вторая не вышла замуж“. [21])

Первая группа повестей о чиновнике развертывают мотив его канцелярских неудач. На фоне этих повестей—чиновничий мир, описываемый полно и реально. Постоянные характеристики чиновников к 50-м годам дают уже четкую и ясную характеристику Афанасьева Чужбинского „Чиновник“, где автор канонически описывает наружность чиновника, с особенной любовью останавливаясь на его шинели „плисовый воротник которой из зеленого перешел в какой то кофейный цвет“.[44]) Интересно отметить, хотя бы мельком, описание быта канцелярии в „Галерной Гавани“ Панаева, рассказы, трактующие о карьере чиновника: „Провинциалка“ Тургенева, „Дальний родственник“ Гребенки, „Макар Осипович Случайный“ Некрасова, [28]) „Прекрасный человек“ Панаева, [45]) „Странная история“ Буткова, приближающаяся по сюжету к портрету Гоголя [46]) примыкает к этим повестям „Обыкновенная история“ Гончарова (1848). Эти повести немногочисленны; охотнее и психологически углубленнее трактуется тема неудачной карьеры бедного чиновника Упомянем здесь повесть Плещеева „Алексей Чемезов“, его же „Две карьеры“, остановимся на „Записках студента“ Гребенки (О. З. 1841, 14). Молодой офицер мечтает о работе, об умственной деятельности

в Петербурге. Но родные встречают его сухо; семья разоряется, он должен помогать бедному своему семейству. „Я не допущу, чтоб матушка дожила до необходимости питаться трудами рук своих“. Тот же мотив разочарования в службе развернут в повести І. Ш. „Первый день службы“.[48]) Молодой кандидат университета, поступив на службу в департамент, разочарован ею. Наконец, в пов. „Собачка“—коллежский регистратор Чечевичкин („прежде всего, заметил Гоголь—следует об'явить чин, имя и фамилию“) служил в одном департаменте, называть который я считаю лишним и даже неприличным. (Подобное же „умолчание“ в „Шинели“—департамент „горьких и соленых дел“). Чечевичкин угождает начальнику и его жене. У последнего издохла собачка, и вот Чечевичкин подносит ей другую болонку, тщательно откормленную. Все идет хорошо, Чечевичкина благодарят, но вдруг болонка кусает начальницу. „К черту Чечевичкина! Не надо Чечевичкина!“ Как Никита Лаврентьевич пришел домой, как вынес он этот удар, это оскорбление, решительно нет никакой возможности об'яснить“. [49])

Следующая группа повестей окружает чиновника его сотоварищами и развертывается бытовым материалом. Фабулой берется чиновничья жизнь: балы, на которых папеньки подбирают женихов своим дочерям („Вечер на Петербургской стороне“, „Средство выдавать дочерей замуж“,) или же этой фабулой берется канцелярия с мелочами ее быта, микроскопическими горестями и радостями. („Первый день службы“, „Любовь мелких людей“). Повесть Буткова „Тревогин“ особенно для данной группы характерна.[52]) Как и для всех товарищей по службе „жизнь отпустила на его долю совершенно достаточное для него количество обыкновенных своих щелчков, будничных страданий, праздных радостей и копеечных страстей. Папенька со своей стороны предусмотрительно снабдил его собственным именем Касьяна, чтобы он не убыточился ежегодно на тщетное праздно-

вание своих имянин". Его имянин ждали; пришло, наконец, 29 февраля; Тревогин решает никого не приглашать, мечтает разнести по городу слух, что Тревогин умер... Об этом узнает и Маша, эта самая вертушка и насмешница, которая исчахнет с тоски по нем... Он уведомляет товарищей, что решил умереть; когда они ходят к нему, то находят несчастного имянинника... пьяным.

Следующая группа разрабатывает семейную жизнь чиновника, который всецело подчиняется, своей жене, бой-бабе (напр. „Милая жена" Александрова, „Муж под башмаком" П. Машкова,[52]) „Записки Замоскворецкого жителя" Островского,[54]) „Мундир" барона Корфа и проч.). Здесь повесть о чиновнике упрощена, а узоры несложны и одноцветны. Зато она расцветает, когда в нее входит мотив любви его к какой то прекрасной молодой девушке. Этот мотив намечает известные „сюжетные повторы", развиваясь приблизительно однородно во всех повестях. Иногда эта девушка—дочь его начальника, и тогда судьба их достаточно определяется словами романса: „Он был титулярный советник, она—генеральская дочь, он робко в любви об'яснился, она прогнала его прочь. Пошел титулярный советник и пьянствовал целую ночь, и в винном тумане носилась пред ним генеральская дочь". Такова судьба Голядкина („Двойник Достоевского, бедняка—художника из повести Панаева „Дочь чиновного человека").[22]) Однако, чаще девушка так же бедна, как и сам чиновник. Он ее страстно любит, как единственный светлый луч в его жизни. В пов. „Горев Николай Федорович" Гребенки герой ее, голодный, без приюта и без заработка уныло шагает в приход Ермолая на курьих ножках, от Кремля в десятке верст. „В Кремль он постоянно ходил, третий месяц определяться на службу; ему обещали место, но всякий раз говорили: „Приходите завтра". Бедность ему мешает жениться на прелестной девушке Вареньке, его невесте. Варенька—круглая сирота. „Какое милое создание

была эта Варенька! Волнистые русые кудри резво разбегались по ее белым плечам, свежее румяное личико, голубые глазки, полные огня, жизни и разума, розовый, вечно улыбающийся ротик... А как улыбалась она! Сколько откровенности, чистосердечия, сколько прелести было в этой улыбке! Кажется, если бы Варенька подошла к одру умирающаго, от ее улыбки ожил бы страдалец, она пролила бы в него новую жизнь". [23]) Через пять—шесть лет этот образ ясной, веселой и глубокой девушки запечатлеется у Достоевского в образах Лизаньки („Слабое сердце"), Настеньки („Белые ночи") и отчасти Вареньки в „Бедных людях".

Чиновник Иван Иванович Тряпка влюблен в дочь помещицы, опять таки прелестную и веселую Машеньку (все героини повестей о чиновнике носят уменьшительные имена—[24]) „Любовь и скрипка" [25]) и др.). Чиновник влюблен в дочь своего начальника, приглашен к ней на вечер, но—о горе!—у него нет партикулярной пары. Приходится оставить надежды навсегда („Партикулярная пара" Буткова в сборнике „Петербургские вершины").[26])

Бедный чиновник Буднев любит веселую, живую, но пустенькую Любочку, которая смеется над ним. Чиновник Лука Прохорович, который „имел прекрасные серые брюки, здравый рассудок, вицмундир и за 15 лет пряжку"—сосед с титулярным советником Азбукиным. У Азбукина есть 17 летняя дочь Олечка. „Всякое утро личико Ольги Гавриловны, как розовый цветок, блестело у окна между густыми ветвями темнозеленой герани; всякий раз... Лука Прохорович думал: „Какая красавица!" и—подивитесь,—его форменное сердце ощущало что то странное; Ольга Гавриловна единственная наследница домика с мезонином и зелеными ставнями... Сами они живут в первом этаже... А мезонин отдают в наем какому то отчаянному поэту и белошвейке (ср. „мечтателя" в „Белых ночах", намеревавшегося так же переехать мужем Настеньки в мезонин домика бабушки).

Когда его приглашают на обед к Азбукину, Лука Прохорович обезумел от восторга... И если бы он воспитывался там, где его сослуживец, чиновник с большим красным носом, то написал бы огромное похвальное слово судьбе, по правилам бургиевой реторики. Слава Богу, что он не учился"! Любовь Лука Прохоровича, как и Буднева, кончается несчастливо, как и большинство романов бедных чиновников, Луку Прохоровича обманывают сослуживцы, Буднев спивается, бросивший жену сам покинут любимой девушкой, Ивана Ивановича Тряпку подслушивает его невеста, когда он об'ясняется в любви актрисе, и расходится с ним. Случаются истории еще более странные и неожиданные, пародирующие романтическую повесть 30-х годов с ее мотивом платонической любви. Вот характерная по заглавию повесть Даля „Любовь по гроб". Губернский секретарь Воркунов влюбляется в актрису, „райскую Пери", подносит ей купленный на последние деньги букет. „Буду дня три без обеда... и мать моя, бедная старушка, упрекать будет меня в письме, что я ей не дослал положенного; но что это все в сравнении с этим восхитительным чувством, которое уносит меня за пределы вещественного мира... Всякую нужду перенесу и добрая мать моя перенесет... О, это будет очистительная жертва!".

Когда букет добыт...—„Сердце отогрелось, стало отходить, а потом запрыгало и заметалось, как малиновка в вешний денек, между кустиками и цветочками". Но вот Пери умирает... После долгих странствий Воркунов попадает на кладбище, куда ее принесли. „Дыхание сперлось, в глазах потемнело, в ушах зашумело". Воркунов бросился рыдая на гроб, умоляя дать ему проститься. Гроб вскрывают и... „Воркунов напоролся на шитый стоячий воротник, одного очень почтенного и заслуженного чиновника, за гробом которого он шел от самого города до кладбища... Воркунов был так поражен, что совершенно забыл о своем намерении покончить с собою".

Подобныя открытия слушаются часто; все планы бедного чиновника рушатся, как карточный домик. В повести Буткова „Ленточка“ чиновник любит дочку своего хозяина, петербургского немца. Эскизный образ ее напоминает образ Клары в пов. Плещеева „Буднев“ и отчасти образ Тинхен („Хозяйка“). Ухаживания принимаются благосклонно, и чиновник начинает уж рассчитывать на взаимность. На службе он получает отличие—ленточку и хвастается этим перед избранницей своего сердца. „Ну, что ж, возражает она, кто нынче без ленточки. Всякий чиновник с ленточкой... Вот, показывает она чиновнику—ленточка. Это его первый подарок“—Его? Чей? Кто же Вам подарил?—„Он, мой жених, Готлиб“. А жених смотрит на уничтоженного чиновника и ехидно улыбается.

Иногда, впрочем, любовь эта завершается свадьбой, но такие случаи редки. В пов. Гребенки „Дальний родственник“ у Антиоха Ивановича, человека со звездой и акционера в 10 спекуляциях“, есть бедный родственник с 300 рублей годового жалованья. На лестнице около своей комнатки этот родственник встречает однажды соквартирантку свою, хорошенькую, веселую Терезу... Несмотря на протесты Антиоха Ивановича и супруги его „наш герой через неделю после родственной бури играет свадьбу... Так как у бедного родственника была хорошенькая жена, то он быстро стал повышаться в чинах. И вот он в ходу, богат, лезет в знать. Того и гляди, в углу его гостиной явится новый дальний родственник“. Здесь дана, правда, неразвитая еще ситуация: муж чиновник—его жена и начальник мужа—ее покровитель, ситуация, которая повторится в рассказе „Чужая карета“ и перейдет в рассказ Достоевского „Скверный анекдот“. Повести, оканчивающиеся „семейным счастьем“, встречаются; они, пожалуй, не так редки, но что особенно бросается в глаза—это их малая психологичность. Повести с дурным исходом гуще насыщены психологическим материалом и содержанием,

нежели повести с исходом благоприятным. Возьмем, напр. типичную повесть „Лото в клубе“. Верочка—дочь бедного чиновника 9 класса—едет в клуб с подругой и встречает там молодого незнакомца, у которого „глаза просто прелесть: черные, блестящие... и прекрасное лицо“. После встречи Верочка „как будто не та: страстной пламенной любви еще нет, но впечатление с той и другой стороны“. Он также ищет „незнакомку с чудными глазами“. Между тем, отец Верочки едет в клуб попытать счастья, чтобы на выигрышные деньги купить дочки бурнус—других денег у него нет. Он проигрывается, в отчаянии напивается, над ним смеются сослуживцы, и если бы не Владимир Петрович, молодой его товарищ, который его довез до дома, он бы утопился. Родителей утешает Верочка—„она счастлива и без бурнуса“. Дело улаживается нежданно—негаданно: сослуживец отца и есть тот самый молодой человек, которого полюбила Верочка. Встреча, об'яснение, счастливые родители благословляют их... „Иван Иванович уже не бедный чиновник, над которым вечно издевались его товарищи. Здесь был отец, блаженный счастьем своего дитяти“. [29])

Еще более анекдотический мотив лежит в основе пов. „Chef d'œvre“. Бедный чиновник и молодая девушка любят друг друга, но ее родители несогласны на брак с „бедным“. Помогает... живопись: чиновник недурно рисует и этим прельщает свою будущую тещу, поклонницу искусства. [30])

Упомянем далее повесть „Верочка“, также оканчивающуюся свадьбой влюбленных и их счастливой жизнью. Интересна, наконец, переводная повесть „Луидор“, написанная с уклоном в сторону мелодрамы, с внезапными находками и нищенками—графинями. Бернар, молодой бедный чиновник, получив жалованье—100 франков, дает луидор (20 фр.) нищей. Проходит восемь лет, его приглашает к себе на дачу дама, вдова графа де-Жювиньи, и женит на себе обезумевшего от

радости Бернара. Его начальник взбешен—он сам имел вид на графиню Оказывается, это ей, тогда нищенке, подал Бернар луидор и этим спас ее от голодной смерти. „Возьми его назад, говорит новобрачная, с процентами моей любви“.[31])

Перехожу теперь к анализу повестей с мотивом любви несчастной. Причин тому, что любовь эта неудачна, много: прежде всего, молодая девушка его не любит, она невеста другого (пов. „Дружеские советы“ Плещеева). Папенька—чиновник, у него дочь Верочка, у нее просит руки молодой человек, помогавший им в нужде. Верочка не любит его, но из благодарности соглашается на замужество; они жених и невеста. Василий Михайлович, чиновник ее папеньки, любит Верочку, но он беден, и у него где то в провинции больная мать. Встретив Верочку—уже жену другого,—он снова ищет свиданий с ней. Она просит ее оставить „Судьба так хотела; она свела нас слишком поздно; мы бы могли быть счастливы, если б увиделись раньше. Умоляю вас, забудьте меня“. [32])

Иногда помехой их счастью является эгоизм и бессердечие чиновника (Плещеев „Призвание“), иногда—его измена (водевиль Соллогуба „Букеты или петербургское цветобесие“), иногда какое-нибудь внезапное открытие. В повести барона В* „Извините“ у окон дома отставного титулярного советника Клопа и кузины его Мавры Савельевны Блохи похаживает какой-то приятный молодой человек. Он ухаживает за их племянницей молоденькой и хорошенькой Наденькой. Роман кончается бегством юноши—он вдруг узнает, что чудесные зубки Наденьки—вставные. [33])

В пов. „Часы“ есть такое же внезапное открытие, которое разрушает с таким трудом создавшееся счастье. Бедный секретарь „значительного лица“ любит молодую девушку, гувернантку Наденьку. У него скопляются деньги и он делает Наденьке предложение. Но в день, когда она должна приехать на новую квартиру у

него случилось несчастье. Он в шутку взял часы у товарища из передней. Оказалось, что они принадлежали другому, и что кроме их у владельца часов пропали лежавшие рядом 600 рублей. Тот грозит полицией, и Андреев вынужден заплатить из последних скопленных денег. „Дворнику было сказано, что квартира им не нужна. И Андреев снова проводил свою бедную Наденьку в дом, из которого так желал извлечь ее". [34])

Но главным препятствием к их счастью является тот образ, без которого не обходится ни один рассказ,— образ начальника молодого человека, по гоголевской терминологии—„значительного лица". Именно он рушит все планы и замыслы влюбленной пары и вместо счастья причиняет им горе на всю жизнь. К анализу роли в повестях этого персонажа мы и перейдем.

III.

Уже в „Горе от ума" намечается тема значительного лица: он отец молодой девушки; стало быть бедному чиновнику нечего мечтать о девушке и, конечно, Фамусов был бы ошеломлен, узнав о связи дочери с Молчалиным. Образ значительного лица был широко распространен в цикле повестей о бедном чиновнике. Иногда эта неожиданная преграда в его лице устранялась, однако всякий раз подчеркивался мотив неравного брака. Так, напр. в типичной для данного случая повести „Верочка" бедный офицер Павел Степанович влюбился в дочь богатого статского советника. Завязывается роман, но оба ни слова не говорят друг другу о своей любви. Верочку любят друг Павла и чиновник Потап Иванович; последний—удивительно интересный образ, показывающий, какое сильное влияние произвели на повесть „Бедные люди" (повесть написана в 1849 г.). Характерен его язык, который, несомненно, от Макара Девушкина. „Не бойтесь, матушка, я вам... вот что, я за вас, матушка, всюду на край света... Вот видите ли, я и альбомчик принес, да какой хорошенький, бархатом обложен и золотом,—сами посмотрите! Да нет! Я все

не то хочу сказать!" или „Вот как она, ангелочик мой, была маленькой, так, бывало, вот здесь садилась, да и заставляла играть меня". Верочка любит Павла страстно. „Если б мне предложили на выбор все в мире только без него, или жить в нужде, в бедности, но только чтоб я была уверена в любви его, я бы предпочла бедность". Они об'ясняются, общее счастье, отец ее восклицает: „Он небогат! Ну что ж, Бог даст, вы, дети мои с голода не умрете, была бы ты, мой друг, Верочка, счастлива". Когда Верочка об'являет Потапу Васильевичу об этом, он разражается жалобами, слушая которые нельзя не вспомнить заключительное письмо „Бедных людей": „Но ведь как же, матушка? И птички то ваши, как оне то будут, кто за ними будет ухаживать? Она любит его, а я то, и забыла уж видно! Да что я, старик, только старик, подошва старая, куда я гожусь? А он, и красные отвороты есть, и волосы черные, а у меня лысина! Лысина, что же я..." И побрел Потап Васильевич к себе домой „Что же мне делать теперь? Кому теперь я нужен? Никому, в целом мире никому"... Он молится за счастье Верочки. [35])

Сюжеты все усложняются по мере того, как все резче углубляется конфликт тем чиновника и бедной девушки с новой темой значительного лица. Пройдем мимо многочисленных отцов, не соглашающихся на брак дочери с бедным чиновником, остановимся лишь еще на одной повести с такой ситуацией — „Дочь Чиновного человека" Панаева. Персонажи ее — бедный живописец Срезневский (у него, конечно, бедная, как полагается, мать старушка). Он отказался от заграничной поездки, чтобы ее не покидать. Срезневский любит дочь статского советника Переволокина. Родителям доносят, что дочь их бывает у него дома. Следует бурное, семейное об'яснение, целиком отскочившее затем в „Накануне" Тургенева. Девушка признается что любит его. От нервного потрясения она заболевает в горячке и умирает. Александр остается жить лишь вни-

мая мольбам матери, которой предстоит иначе умереть от голода".

Второй мотив, развертывающий тему значительного лица в иной ситуации может быть формулирован так: Значительное лицо — явный или тайный соперник чиновника. Он волочится за молодой девушкой, обычно ее не любя. Такая ситуация муж—жена — граф-любовник намечена, но не осуществлена (можно были бы ее назвать „симптомом") в „Провинциалке" Тургенева, [37]) достаточно нам известной (Алексей Иванович—Дарья Ивановна—граф Любин, причем ревность мужа подчеркнута). Уже без образа мужа, ситуация двухперсонажная—значительное лицо и молодая девушка — развита в повести Панаева „Галерная Гавань", [38]) где значительное лицо обольщает девушку, мать которой, как это неизменно в таких случаях, умирает от разрыва сердца. Девушка топится, иначе говоря, в обстановке Петербургского предместья развернут сюжет „Бедной Лизы". Аналогичным образом повесть „Благодеяние" развертывает один из мотивов „Победы от обеда" Булгарина. Бедному чиновнику Городкову предлагают жениться на любовнице его превосходительства Луизе Казимировне (вспомним, что и эта традиция, в силу которой у лица есть любовница—немка, опять таки ведется от Гоголя—в пов. „Шинель" значительное лицо ездит к Каролине Ивановне, „даме, кажется, немецкого происхождения, к которой он чувствовал совершенно приятельские отношения" II, 114). Городков с негодованием отказывается, его увольняют, он заболевает и умирает в бедности, в то время возлюбленная его Наташа Берестова ждет его приезда. [39]) В повести Мельникова Печерского „Непременный" сюжет этот развернут с благополучным финалом. Андрей Тихонович, „плешивенькое, коренастое создание, вечно в форменном сюртуке и в мухояровых панталонах". При жизни родителя Андрей Тихонович получил регистраторский чин, и получал жалованья по 98 коп. в месяц. Каким образом он стал непременным

заседателем? Его превосходительство женил его в спешном порядке на своей любовнице. Через 3 месяца у него родился сын".[40]) В пов. Буткова „Хорошее место" бедный чиновник Чечевичкин тщетно добивается места, пока не посылает к начальнику хорошенькую жену свою с просьбой о месте. Дело устраивается, но чиновник должен уходить каждый день в шесть часов вечера из дома „по поручению"—мотив отскочивший в новеллу Чехова „На гвозде". Узоры здесь так мелки и переплетенья их так часты, что мы лишены возможности разобрать все возможные здесь случаи; ограничимся лишь указанием повести Григоровича „Соседка" (у молодого чиновника оказывается соседка, хорошенькая девушка. Он волочится за нею, но вдруг является его начальник—покровитель и девушки и производит скандал);[41]) упомянем ситуацию „Луидора", где значительное лицо и его подчиненный даже стреляются—ситуация совершенно в русской повести необычная и невероятная. Мотив женитьбы чиновника на любовнице его превосходительства особенно излюблен водевилем; в 1846 году им развертывается поистине виртуозная по композиции повесть Буткова „Первое число". Живут два бедных чиновника, один совсем „из простых", другой—кандидат университета, одного зовут Евсей Евтеич, другого Евтей Евсеич (инверсия с повторами в именах). Служат они в разных департаментах и начальники их каждого женят на любовницах своих; один на Каролине Ивановне, другой на Машеньке. Оказывается, что и Машенька, и Каролина Ивановна—одна и таже девица, просившая двух своих покровителей, порознь, „выдать ее замуж". Евсей Евтеич, входя к невесте, видит у нее Евтея Евсеича, в порыве ревности он сжигает вицмундир друга. Оба сходят с ума, „крутясь в адском вальсе", и „на следующий день в сумасшедшем доме оказывается двумя обитателями больше". Впоследствии пятичленная композиция повести отразится на „Романе в 9 письмах" Достоевского.

Мы видели, что значительное лицо может быть 1) отцом молодой девушки, 2) любовником ее, „покровителем“ и, следовательно, соперником бедного чиновника; мотив третий и последний формулируется так: „значительное лицо — есть начальник чиновника по службе.“ В этом случае последний пытается устроить свое семейное счастье, а начальник ему противодействует Повестей с этими мотивами не перечислить: уже известные нам „Демон“ Павлова, „Макар Осипович Случайный“ Некрасова, „Чиновница“ Плещеева, „Дальний родственник“ Гребенки—„Юмористические рассказы“ Абракадабры и проч.[42]) Новой явится повесть Зотова „Любовь мелких людей“. Писарь Чужбин любит жену товарища. Муж ее знает об этом и жалуется по начальству. Тихого и смеренного Чужбина увольняют, он заболевает горячкой, и в отчаянии отравляется. Писарша родила ребенка, он умирает, она топится. На фоне канцелярской жизни для нас особенно интересен образ старичка-чиновника, сильно напоминающий Покровского и Девушкина; он носит писарше книги, покупая их на последние свои деньги и проч. [43])

Таковы главные три персонажа составляющие традиционный ensemble рассказов о чиновнике. К ним можно добавить еще двух, более редких, но все же встречающихся. Это во первых — квартирная хозяйка (напр. „Горев“, „Бедные жильцы“), в повести Буткова „Темный человек“ и многих других. Во вторых, таким второстепенным образом явится товарищ бедного чиновника, всегдашний—его конфидент и утешитель, иногда партнер в его любовных похождениях (оба мотива здесь еще не разделены). Товарищ или уговаривает чиновника жениться („Женитьба“ [50]) „Соседка“), или рассудительно утешает несчастного в любви товарища („Дружеские советы“, „Часы“). В повести А. Раменского „Трижды отмеряй, один раз отрежь“ [51]). „Вася Мошкин“ живет вместе с другом Гришей. Вася влюблен в Наташу, „прехорошенькую, полненькую, румяненькую, черногла-

зенькую, словом, заглядение!. Он идет делать ей предложение, но по дороге у него рвутся брюки. Он в отчаянии, но друг говорит ему: „Еслибы лопнули брюки там, тебе бы отставку дали". Вася идет во второй раз— брюки все в грязи; наконец, в третий раз ему удается поговорить с тестем. Когда тот узнает, что Вася получит хорошее место, он соглашается, и свадьба играется. Позднее та же ситуация с теми же двумя друзьями, девушкой и ее родными будет развернута Ал. Пальмом („Любовь и скрипка"), а затем и Достоевским в „Слабом сердце", где лишь изменится финал.

IV.

Бесчисленной вереницей тянутся чéрез все сороковые годы эти повести о бедных чиновниках. Сравнительно небольшим диапазоном темы и об'ясняется то обстоятельство, что ко времени появления Достоевского повесть эта шаблонизируется, и ее ситуации, из которых выветрилась личная, индивидуальная авторская инициатива, сделалась трафаретными. К 1847 году относятся выше приведенные жалобы „Сиб. Ведомостей" и „Моск. Гор. Листка", журналов, сравнительно благожелательных к натуральной школе. Развертывая „Финский Вестник" за 1846 год читаем там следующие строки: „Торная дорога к юмору в современной русской жизни как известно быт чиновничьего люда... Набрать юмористических похождений не трудно: взять любого мелкого чиновнока, взять его, как говорится, бедняком, простаком, заставить попасть в просак, даже в беду, рассказать дело с посильными прибаутками и местными оттенками—получится юмористический рассказ". [57]) Кажется на свете много есть смешного и кроме петербургских чиновников... Нашему водевилю, нашей так называемой натуральной школе ни до чего нет дела: подавай им чиновников". [58]) И наконец в 1850 году столп натуральной школы „Современник", разражается поистине саркастической филиппикой; мы приводим ее целиком—она покажет нам, как отчетливо сознавалась современниками

трафаретность повестей. „Есть повести и романы, которые словно написаны по известному рецепту... Для составления подобной повести писатель обыкновенно садится на диван и заводит разговор с самим собою,— разговор такого рода вопрос: „Желаете ли вы, друг любезный, написать повесть. Ответ: не худо бы, хотя желания и немного. Умозаключение: все лучше написать, потому что, впоследствии желания будет еще меньше. Вопрос: скажите мне, случалось Вам нанимать квартиру—большую, маленькую, с светло-зелеными, или желтыми, или грязными стенами, в каменном доме, в углу, или на даче. Ответ: случалось, и я помню подробности. Умозаключение: Вот и обстановка готова. Вопрос: а между жильцами не попадалось ли смешных стариков, свеженькой девочки, скряги, гуляки? Ответ: как не быть! Вот и действующие лица. Вопрос: ну а главное то, не развертывалось ли между этими жильцами какой нибудь драмы, хотя, например, с неопытной любовью, с ревностью, с противодействием сердитой хозяйки? Что же нибудь да делали жильцы, о чем нибудь да думала же хорошенькая девушка? Ответ: драмы то, правду сказать, не было, но в жизни все—драма. Микроскопические радости, неудачи и страдания нисколько не хуже других страданий, неудач и радостей. Конечно, драма есть, все есть и повесть готова". [59])

Достоевский является именно в то время, когда начинают тяготиться этими выработавшимися трафаретами. Связь его с натуральной школой сразу была угадана. „Финский Вестник" пишет: мы приглашаем читателей обратить внимание на талантливых и более или менее бесталанных, пишущих в духе той школы, которую мы назвали гоголевской. Прибывает товар; значит усиливается и спрос. И так, вот как нынче обстоят потребности публики. Еще лучше доказывается это шумом, какого наделало появление таланта у Достоевского, автора романа „Бедные люди". [60])

Достоевский не вносит новых сюжетов, а как и

многие другие, пользуется сюжетами „натуральной школы“. Не как революционер, разрушитель шаблонов, подходит он к натуральной школе, а как ее законный сын, продолжатель ее заветов. И поэтому все упреки критики натуральной школы в трафаретности сюжетов относились и к Достоевскому. И у него повесть о бедном чиновнике охватывает 0,7 всех произведений раннего периода; и у него действуют те же жильцы, гуляки, скряги, квартирные хозяйки, старички и молодые девушки. Прочная связь соединяет автора „Двойника“ с натуральной школой. Знакомые уже нам мотивы сумасшествия и смерти чиновника—скряги переходят в „Прохарчина“ из „Адама Адамовича Адамгейна“, [61]) ситуация „Хозяйки“ (отец немец, дочь и молодой жилец, влюбленный в другую) повторяется в „Будневе“. Смерть чиновника, у постели которого слишком поздно появляется любимая девушка, бытует в „Записках студента“, в „Благодеянии“ и впоследствии перейдет в „Дядюшкин Сон“. Мотив „Чужой кареты“ переходит в повесть Достоевского „Чужая жена“. Целая большая сцена в церкви из повести Погодина „Суженый“ перешла в „Хозяйку“, будучи безусловно заимствована.[62]) Композиционные построения „Заветной скрипки“ повторяются в „Неточке Незванной“, Потап Васильевич—отображение Макара Девушкина, равно, как повесть Ал. Пальма „Один день из будничной жизни“ [63]) подражание „Двойнику“. Достоевский не только пользуется сюжетами натуральной школы, но и сам оказывает в ее духе влияние на мелких писателей (думается нам, несомненно его влияние в 1847 году на Буткова). И это понятно и закономерно. Натуральная школа — огромный горн, где выковывается будущий реалистический стиль Тургенева, Гончарова и Островского. И нас не удивляет сходство мотивов „Верочки“ и „Бреттера“ „Дочери чиновного человека“ и „Накануне“, совпаденья сцен от‘езда из родной усадьбы в „Верочке“ и в „Обыкновенной истории“ Гончарова и т. д.

Достоевский стоит в 1845—8 году в центре натуральной школы, являясь одним из главных ее вождей, и, как вождь, он властно использует раскаленные частицы металла, летящие из горна натуральной школы. Без натуральной школы, без этих нескольких сотен рассказов нельзя понять молодого Достоевского.

В виде экскурса остановимся на одном из самых причудливых и своеобразных его созданий, на „Романе в девяти письмах“, которое до сих пор старательно обходилось историками литературы. На нем лежит печать многообразных влияний; по композиции он сходится с „первым числом“ Буткова и с водевилем „Полюбовный дележ, или комната с 2 кроватями“, но особенно сильное влияние (вопрос о влиянии мы здесь ставим совершенно обдуманно) на него оказал „Роман в письмах“, напечатанный за полгода до него. В нем 9 писем и 1 записка, заключающая рассказ (у Достоевского 9 писем и 2 записки)[64]. Переписка ведется губернским секретарем Михаилом Ивановичем Махаевым и губ. секретарем Петром Петровичем Прыжко. Язык и синтаксис этой переписки, не говоря уже о композиции и сюжете представляет разительное сходство с „Романом“ Достоевского.

„М. г. Михайло Иванович! Имея крайнюю надобность в деньгах, обращаюсь к Вам, м. г., со всепокорнейшей просьбою, в особенное для меня одолжение, прислать с сим посланным 10 рублей серебром на самый наикратчайший срок. С совершенным почтением и таковою же преданностью имею честь быть вашим, м. г., покорнейшим слугою. Петр Махаев. 15 ноября.

2-е письмо заключает ответ Прыжко, с препровождением при сем 1 рубля серебром. Письмо 3-е заключает вторичную просьбу Прыжко: „почтить его извещением о получении денег“. Письмо 4-ое: „оные деньги мною получены и употреблены“. Обратно, письмо 5-ое: „Не оставьте в возможно скорейшем времени присылкою“. Письмо 6-ое: „Вновь имею честь отнестись о том же“. 7-ое уведомляет, что, если рубль серебром ему не воз-

вратят, то он „найдется вынужденным довести о сем до сведения начальства". VIII—Махаев извещает Прыжко, что „занятия по службе, а также домашние дела, а наиболее расстройство моего здоровья препятствовали мне... исполнить просьбу вашу о присылке вам, м. г., денег рубля серебром. Зная вашу снисходительность" и т. д. В 9-ом, последнем, письме „снисходительный" кредитор пишет: „М. г. Петр Петрович! Усматривая из письма вашего от вчерашняго числа преступные намерения, клонящиеся к ущербу имущества моего в том предположении, м. г., что не упоминая нигде в своих письмах, что вы взятые у меня деньги рубль серебром действительно должны мне и придавая сему займу подложный вид того, будто бы я сам прошу у вас взаймы сию сумму, спешу довести до вашего сведения, что при получении первого вашего ко мне письма и при отправлении вследствии оного к вам оных денег был у меня посторонний свидетель, И. С. Хрипушкин, который все это на деле, хотя бы под клятвенною присягою показать и засвидетельствовать может; а потому, если означенные деньги рубль серебром не будут ко мне присланы немедленно, то я вынужденным найдусь донести об этом его высокоблагородию Ермолаю Григорьевичу. 8 декабря. Михайло Прыжко".

„Записка, присланная губ. секретарем Махаевым к губернскому секретарю Прыжко со вложением рубля серебром — „Подавись, жила!" (надписи и числа не оказалось".

Совпаденья этого рассказа с „Романом" Достоевского очень велики,—одинаковое заглавие рассказов, одно и то же количество писем—9, один и тот же мотив ссоры двух лиц из за денег; тон переписки, сначала льстивый, постепенно делающийся все более грубым, канцелярский язык обоих—сильно сближают оба произведения. Заимствован ли Достоевским сюжет „Романа", или же эти рассказы появились независимо друг от друга—в обоих случаях видны эти носящиеся с воздухе

частицы. Их оформление совершится позже, а пока большие писатели, Достоевский, Тургенев и Гончаров пользуются матерьялом Пальма, Буткова, Гребенки и многих других, [65]) имена которых не записаны до сих пор на похвальной доске историков литературы. Достоевский не революционер, а продолжатель, порою даже подражатель. И сентиментальная повесть, и авантюрный анекдот, и будничный быт, и эффектный финал повестей о чиновнике найдут у него продолжение, углубление и подтверждение. К непосредственному морфологическому анализу произведений Достоевского мы и переходим.

V.

В соответствии с общим уклоном сюжетики 40-х годов, Достоевский до каторги преобладающее внимание уделяет излюбленному его предшественниками чиновнику, непременно „бедному", и развертывает его тему теми же мотивами, которые так характерны были для натуральной школы. „Литературной революции" здесь нет. Рассказов, посвященных чиновникам у Достоевского 11: „Бедные люди", „Двойник", „Прохарчин", „Ползунков", „Слабое сердце", „Белые ночи", „Роман в 9 письмах", „Елка и свадьба", „Чужая жена", „Ревнивый муж" (лишь в 1867 году были контаминированы в один) и „Скверный анекдот", написанный после каторги, но по сюжету относящийся к раннему периоду творчества. Необходимо иметь в виду, что Достоевский писал, но уничтожил „Повесть об уничтоженных канцеляриях".

Героем всех этих повестей является одно лицо, вокруг которого и развертывается действие. Это лицо— униженный, бедный чиновник одного из многочисленных петербургских департаментов. Он характеризуется немногими чертами, также обычными для героев натуральной школы: прежде всего бедностью. И чиновникам Достоевского, как и другим „родители не оставили в наследство ничего, кроме бедности и благородства". Все они бедны: и Макар Девушкин, все свои скудные средства отдававший любимой девушке, живший впрого-

лодь, ходившей „таким воробьем ощипанным, что чуть сам за себя от стыда не сгорел. Сквозь одежду голые локти светятся, да пуговки на ниточках мотаются... из сапога голые пальцы торчат“... Беден Вася Шумков из „Слабого сердца“, вынужденный брать себе на дом вечернюю работу, беден герой „Белых ночей“, получающий „1200 в год ассигнациями“, беден Пселдонимов, у которого не было денег даже на то, чтобы справить свадьбу. Настойчиво подчеркивает Достоевский бедность своих героев, и с этой точки зрения прав был Булгарин, уверявший, что „Девушкин в большей части писем беспрестанно толкует о бедственном состоянии своих сапог. Это его idée fixe. С сапогами своими он никак не может расстаться. Он все с ними носится и возится, так что весь роман, можно сказать, написан á pro pos de bottes [66]).

Рассказы о бедном чиновнике и посвящены его жизни; некоторые из них изображают его на службе, среди других чиновников, в департаменте; другие повествуют о его личных, интимных и прежде всего любовных делах. Нам знакомы эти темы по литературе 40-х годов. Достоевский не вносит новых тем, а лишь детализирует и углубляет темы старые. В противовес „Шинели“ и „Запискам сумасшедшего“ повести Достоевского переносят нас из канцелярии в квартиру или комнату чиновника, говорят нам прежде всего о любви к молодой девушке. Этот мотив любви, лишь слабо намеченный Гоголем в „Записках сумасшедшего“, Достоевским развивается в „Бедных людях“, „Ползункове“, „Слабом сердце“, „Ревнивом муже“, „Двойнике“ и др. Канцелярскую же жизнь, быт, Достоевский затрагивает эпизодически—редко и бегло („Слабое сердце“, „Двойник“).

Бедный чиновник в большей части рассказов холост и одинок; сюжетная тенденция Гребенки („Записки студента“), Панаева („Дочь чиновного человека“), которая (как мы выше подчеркивали), вводила в качестве отдельного второстепенного персонажа—мать-старушку, которой бедный чиновник отдает последние свои гроши—

Достоевским отбрасывается. Одиноки и Голядкин, и Вася Шумков, и Прохарчин. Второй персонаж натуральной школы—друг-конфидент чиновника—Достоевским выводится лишь в „Слабом сердце". Все они—„мечтатели"—образ, канонизированный тем же Бутковым („100 рублей", „Странная история". Лермонтовым („Княгиня Лиговская"—„все чиновники мечтают", гл. I).

Любопытны далее фамилии бедных чиновников „смешные" и „уродливые"—прием также каноничеький. Уже Гоголь охотно строит фамилии своих героев по принципу артикуляции (Эйхенбаум „Как сделана шинель"). Акакий Акакиевич Башмачкин, Поприщин через Евтея Евсеича и Евсея Евтеича у Буткова, Поджабрина Гончарова, водевильных Петра Петровича Присыпочку и Ивана Ивановича Тряпку мы приходим к Голядкину, Пселдонимову, Бобыницину, Океанову, Преполовенко—жильцу, и в будущем—к Мармеладову. Робки эти Пселдонимовы и Бобыницыны не менее, чем Башмачкин и Евтей Евсеич, хотя последние лет на пять их старше. Робость становится понятной, если принять во внимание их большей частью титулярный чин. Вася Шумков боится, что его отдадут в солдаты за непереписанный доклад, Девушкин говорит про одного своего друга, такого же чиновника: „Робкий, боится всех, ходит стороночкой, уже я застенчив подчас, а этот еще хуже". Вторым образом повестей является молодая девушка, опять таки переходящая в повести Достоевского из других повестей 40-х годов. Черты ее также традиционны: она почти всегда бедна (Варенька Доброселова в „Бедных людях", Настенька в „Белых ночах", Лизанька в „Слабом сердце", Неточка Незванова „В тех случаях", когда она богата она не действует вовсе (напр. Клара Олсуфьевна в „Двойнике" ср. с героиней „Записок сумасшедшего"). Любопытно, что, как у чиновника всегда „артикулярная" фамилия, так и у нее—уменьшительное имя—Настенька, Неточка, Варенька, Лизанька. Этот прием еще более подчеркивает сентиментальность и однотон-

ность этих женских образов. Черта эта подмеченная критикой. Добролюбов, напр., пишет: „У Достоевского есть несколько любимых типов... идеал какой то девушки, который ему никак не удается представить: Варенька Доброселова, Настенька из села Степанчикова, Наташа в „Униженных и оскорбленных“—все это очень умные и добрые девицы, очень похожие на автора, но в сущности, очень бесцветные“... Все они—дочери разорившогося чиновника („Бедные люди“, „Белые ночи“, „Село Степанчиково“, „Слабое сердце“), или помещика („Униженные и оскорбленные“). В отношениях с чиновником и с окружающими они пассивны, постоянно подчиняются обстоятельствам. Варенька повинуется Быкову, Лизанька—Васе, Машенька в „Ползункове“—отцу, который то выдает ее замуж за Ползункова, то разрушает их счастье.

Чертой канонической является и их красота. Как и „Дочь чиновного человека“ и „Райская пери“, все героини Достоевского не просто хороши или милы, а прекрасны. Мы не говорим уже о генеральской дочери Кларе Олсуфьевне, „прелестной очаровательнице“; Катерина („Хозяйка“)—„чудно прекрасна“. Девушка в „Елке и свадьбе“—чудная красавица, в Александре Михайловне поражает строгая прелесть ее красоты; Настенька в „Белых ночах“—„премиленькая и умненькая, а это при красоте никогда не мешает“.

Как и чиновники, они в огромном большинстве случаев одиноки: у них нет отца („Слабое сердце“), или нет ни отца, ни матери („Бедные люди“, „Белые ночи“, „Неточка Незванова“ и проч.).

Наконец, третьим персонажем, традиционным со времен Гоголя для повести о чиновнике, является у Достоевского „значительное лицо“—начальник чиновника. В противовес двум других образам чиновника и девушки, развертываемым полно и детально—значительное лицо всегда намечен бегко; даются некоторые обязательные для него черты—строгость, важность и проч.

Почему это так, выяснится далее при анализе динамики повестей.

Эти лица за малыми исключениями встречаются во всех повестях Достоевского. В самом деле: Макар Девушкин, Варенька Доброселова и Быков („Бедные люди"), Голядкин, Клара Олсуфьевна и статский советник Берендеев („Двойник"), Вася Шумков, Лизанька и Юлиан Мастанович („Слабое сердце"), Ползунков, Машенька и Федосей Николаевич („Ползунков"), Пселдонимов, жена его и его превосходительство („Скверный анекдот"), мальчик, девушка и Юлиан Мастакович („Елка и свадьба"), С. О. (написавший письмо), Александра Михайловна и муж ее („Неточка Незванова").

Исключений из этого правила у Достоевского два, в „Прохарчине" и в „Белых ночах", но в последней повести образ значительного лица заменен вторым образом молодого человека, („два искателя молодой девушки"). Если мы припомним в качестве вспомогательной ситуацию „Хозяйки"—(Ордынов, Катерина и завладевший ею Мурин), то станет ясна эта неизменность количества действующих лиц. Условимся их называть в дальнейшем **персонажным трехчленом** повестей о чиновнике. Несомненно, что такой трехчлен бытовал и до Достоевского, но у него, может быть, обозначился резче.

Каждый из трех лиц — чиновник, девушка и лицо—лежат в основе своей темы. Тема чиновника является в персонажном трехчлене господствующей и наиболее полно развернутой. Каждый образ развернут одним характерным для него мотивом. Для чиновника наиболее характерным является мотив любви к молодой девушке. Мотив этот развернут в 14 повестях (все повести раннего периода, включая и „не чиновничий"). Макар Девушкин любит Вареньку, Голядкин—Клару, Ползунков—Машеньку... Евгений Николаевич—Татьяну („Роман"), Вася — Зинаиду („Дяд. сон"). Наконец в „Прохарчине", где девушки нет, ее заменяет...

Устинья Федоровна! Здесь Достоевский употребляет прием намека: „говорили, что Прохарчин будто бы попал даже в ее фавориты... Говорили, что у нее был тут свой особый расчет". Нигде, может быть, эти черты продолжателя сюжетики натуральной школы у Достоевского не проявляются так сильно, как в развитии мотива любви.

Значительное лицо по отношению к чиновнику является начальником; здесь развертывается второй мотив повестей—мотив начальнических отношений; примеры: „Двойник", „Прохарчин", „Слабое сердце" „Ползунков" и др. Что касается третьей стороны нашего трехчлена, именно отношений значительного лица к девушке, то здесь могут быть два мотива. Первый мотив родственных отношений (если она его дочь „Двойник", „Ползунков" или жена „Ревнивый муж", „Неточка Незванова") или, во вторых, мотив соперничества с чиновником, когда он намеревается овладеть девушкой—(Быков в „Бедных людях", или жениться на ней (Юлиан Мастакович в „Елке и свадьбе"). Сюда же можно причислить и „Скверный анекдот". Его превосходительству говорят на свадьбе: „я подозреваю, что вы один из тех начальников, которые лакомы до молоденьких жен своих подчиненных!" Здесь лишь намек и мотив соперничества только намечается.

Таким образом три темы чиновника, девушки и „лица" развертываются тремя мотивами: любви начальнических отношений и родственных отношений (или „соперничества"). Трехчлен получается таким образом не только статически (персонажный), но и динамически (развертыванье мотивов). Все повести о чиновнике строятся на противоставлении этих трех мотивов: отношениям чиновника с девушкой мешают его отношения значительным лицом и значительного лица с девушкой. Напр., чиновник любит молодую девушку, но она

дочь важного чиновника, и тот не соглашается ее выдать за бедняка („Ползунков", „Двойник").

Мотив начальнических отношений развернут постоянными вследствие этого неудачами чиновников Достоевского по службе („Бедные люди", „Двойник"). Им не дают по службе хода, и они сидят большей частью на переписке („Бедн. люди", „Слабое сердце", „Ползунков", „Скверный анекдот", „Прохарчин").

Эти три мотива развертывают все повести о чиновнике, в различных лишь комбинациях и с различной функциональною ролью каждого мотива. Так, например, в „Бедных людях" три основных мотива: любовь Девушкина, покорность Вареньки и происки Быкова. „Слабое сердце": мнительность Васи, любовь Лизаньки и безучастие его превосходительства. „Ползунков": любовь Ползункова, покорность Машеньки и по начальнически расчетливые отношения Федосея Николаевича к Ползункову.

Несмотря на индивидуальные различия, фабулаторный скелет всех повестей о чиновнике одинаков: чиновник любит девушку, она его большей частью так же любит, но их счастью мешает „значительное лицо". Их счастью не бывать—чиновник умирает, или сходит с ума („Двойник", „Слабое сердце" и „Прохарчин"). Таков **родовой сюжет** повестей (подобно тому, как в психологии мы находим родовые образы). Мы знаем уже, что этот родовой сюжет был и преобладающим сюжетом цикла натуральных повестей о чиновнике.

Следующей особенностью сюжета, которая доказывает сюжетно-композиционную однородность всех повестей является его развертыванье, которое происходит одинаково (не взирая на различия композиции). Начинаются все повести экспозицией бедного чиновника, его характеристикой. Далее начинает развертываться мотив любви его к молодой девушке; за этим следует краткая

экспозиция образа девушки, после чего часто оказывается, что она так же любит чиновника. Далее последовательно следует экспозиция отношений чиновника к „лицу“, катастрофа, вызванная вмешательством последняго и, наконец, финал, в котором выясняется судьба действующих лиц.

Вглядимся, например в „Двойника“ – все эти стадии пройдут перед нами последовательно. Начинается рассказ: 1) экспозицией образа Голядкина, его домашней жизни, его прогулки и т. д. 2) Далее оказывается, что он влюблен в Клару Олсуфьевну, 3) Далее экспозируются его отношения с начальством, 4) катастрофа на балу, 5) финал: судьба Голядкина: „казенная квартира с лихт и дровами“.

„Слабое сердце“: 1) образ Васи, его комната, отношения с другом и др. 2) выясняется его любовь к Лизаньке, 3) выясняется любовь Лизаньки к нему, 4) вмешательство служебных обязанностей в жизнь Васи— переписыванье срочных бумаг, 5) катастрофа (дома и в канцелярии), 6) финал (сумасшествие Васи, судьба Лизы и Аркадия).

„Ползунков“: 1) экспозиция Ползункова, его наружности, манер и проч., 2) история его женитьбы, 3) служебные отношения, ревизия, 4) катастрофа, вызванная обманом его „значительным лицом“, 5) финал: „пропали мы, матушка“.

„Бедные люди“: 1) письмо Макара Девушкина, экспозирующее его личность, быт, 2) обратные письма Вареньки, 3) вскрываются их отношения—его любовь к ней без взаимности, 4) выясняются ее связи с Быковым, 5) от‘езд ее, 6) отчаяние Девушкина.

Основным мотивом завязки повестей служит экспозиция образа „бедного чиновника“; основным мотивом развязки—вмешательство „значительного лица“ (как например, в пов. „Ревнивый муж“—вмешательство мужа, „его превосходительства и сиятельства“). Катастрофа

завершается разлукой бедного молодого человека с девушкой („Хозяйка“, „Елка и свадьба“, „Ползунков“), смертью, сумасшествием или лишением его места.

После того, как судьба бедного влюбленного в финале выясняется, молодая девушка клянется ему в том, что никогда его не забудет. „Я буду вспоминать вас часто в мыслях моих“ („Бедные люди“), „Вспомните обо мне когда-нибудь, я же вас никогда не забуду“ („Роман“). „А уж как мы с хозяйкой будем про вашу милость Бога молить, то есть во как молить“ („Хозяйка“). „Память о вас будет возвышена во мне вечным благодарным чувством к вам, которое никогда не изгладится из души моей“ („Неточка Незванова“). После этого прощания следует разлука на всю жизнь; отношения влюбленных этой разлукой закончены навсегда.

VI.

Перейдем к сюжетике повестей, поскольку она непосредственно связана с композицией их. Мы здесь вынуждены констатировать, что повести о бедном чиновнике имеют тенденцию к тому, чтобы сделаться анекдотом. Иные из них безусловно представляют анекдот („Чужая жена“, „Ревнивый муж“, „Роман в 9 письмах“ и т. д.). Другие с первого взгляда как будто бы не являются такими, но, проанализировав их мы без труда увидим, что и здесь есть некоторая анекдотичность сюжета.

Называя сюжет анекдотическим, мы тем самым хотим сказать, что в нем нас, читателей, интересует преимущественно фабула, содержанье в ущерб психологичности и глубине идеологии произведения. Основным признаком анекдота является недостаточная психологическая оправданность содержания. Происшествия в анекдотическом рассказе воспринимается нами, как невероятные, необычные, редко встречающиеся в действительности. Наше определение грешит психологизмом и относительностью; мы полагаем, однако, что определенье это

и не может быть формально-абсолютным. Нет абсолютно мерила для определения степени невероятности тех или иных ситуаций.

Нам легче всего будет показать все признаки анекдота на каком нибудь типичном для этого жанра рассказе Достоевского, хотя бы на „Скверном анекдоте". Это действительно—анекдот, ибо вся острота и неожиданность ситуаций и приключений здесь мало развернута психологическим матерьялом, лица экскизны (его превосходительство, Пселдонимов, „гости" и др.); ситуации невероятны. Характерно самое их стечение: отсутствие извозчика у генерала, приход генерала на свадьбу писца, опьянение его, ночная катастрофа с новобрачными, болезнь генерала и т. д.. Определение анекдота здесь конечно относительно; так, если бы в том же „Скверном анекдоте" образы были бы более „глубокими", анекдотичность фабулы стала бы менее заметна. Сцены перед под'ездом в „Чужой жене" и в „Вечном муже" имеют между собою много общего; но в то время, как в первом рассказе анекдот количественно заполняет повесть и не будь его—не было бы и рассказа, сцена между Вельчаниновым и Трусоцким есть лишь анекдотичная завязка к психологической повести „Вечный муж". Формальные особенности у анекдота разумеется есть, но они не всецело его определяют. Их две, и обе характерны и для анекдота о бедном чиновнике. Первой является малая величина повести, которую мы называем анекдотической. Если принять „Бедные люди" (психологический роман) за 100 единиц, то „Белые ночи" по размеру получат—35 единиц, „Слабое сердце"—26, „Прохарчин"—20, „Чужая жена" и „Ревнивый муж" по 15, „Ползунков"—10, „Роман в 9 письмах"—8 и „Елка и свадьба"—5. Как правило, чем рассказ меньше, тем более он анекдотичен, ибо тем меньше возможности психологической мотивировки событий и персонажей предоставлено

автору. „Ревнивый муж“—анекдот в большой степени, нежели „Слабое сердце“.

Второй формальной особенностью анекдота мы склонны считать „pointe“—по определению М. А. Петровского [67]) „фраза, обладающая двумя признаками: остротой и неожиданностью. „Пуантировка встречается в конце в виде восклицания или отдельной фразы действующего лица (у Гоголя—„А знаете ли вы, что у алжирского бея под самым носом шишка?“. У Достоевского определенная пуантировка в следующих повестях: „Ползунков“—(хотел было ему в глаза подлеца сказать... Ну?—Да как то не выговорилось, господа!“), „Елка и свальба“ („Однако рассчет был хорош!“), „Белые ночи“ („Боже мой! Целая минута блаженства! Да разве этого мало хоть бы и на всю жизнь человеческую?“...—интересно, что этот pointe вошел в литературный обиход, как афоризм самого Достоевского!). Наконец в „Романе в девяти письмах“—двойной pointe, воспринимаемый параллельно: „Другом останется у вас Евгений Николаевич... желаю удачи“... „Евгений Николаевич... просил меня похлопотать о попутчике; не хотите ли?“

Вопрос о том, насколько пуантировка характерна для „чиновничьего“ анекдота натуральной школы может быть в настоящее время лишь намечен. Несомненно, что в то время, как психологическая повесть его избегает (повести Михаила Достоевского, Панаева и др.), юмористы охотно его употребляют. Для всех 8 рассказов „Петербургских вершин“ Буткова характерна постоянная каноническая пуантировка (особенно „Битка“, „Хорошее место“, „Ленточка“). Повидимому, и в этом отношении анекдот Достоевского продолжает традицию его предшественников, хотя точные выводы сейчас невозможны.

Несмотря на то, что и „pointe“ и величина—характерны для анекдота, главная его особенность не в них,

а во внутреннем строении рассказов, в их ситуациях и мотивах. Анекдот о бедном чиновнике, отличающийся особенной штамповкой, особенно насыщен такими приемами. Попробуем показать это на примерах знакомых нам уже повестей 40-х годов.

Морфологический анализ анекдота доказывает, что он отличается динамичностью и сюжетностью. В основе всех повестей, становящихся анекдотами, лежит какое то необычайное происшествие и приключение, которое развертывается без всякой психологической мотивировки. Приключения и происшествия могут быть чрезвычайно разнообразны: это и внезапное посещение чиновника начальством („Скверный анекдот"), и разнообразные приключения чиновника—искателя счастья (Даль „Бедовик"), любовные приключения чиновника, стоившие ему места („Юмористические рассказы" Абракадабры) и т. д. Эта группа чрезвычайно разнообразна; из нее возможно будет выделить 8 мотивов, особенно излюбленных анекдотом. Берем основной его персонаж — „бедного чиновника". Что же с ним случается? Наиболее часты случаи:

1. Ошибки. Так, чиновник вместо одного лица встречает другое, попадает не туда, куда предполагал попасть—вместо своей квартиры в чужую, под постель молодой женщины („Ревнивый муж" Достоевского). Он хоронит молодую девушку, но по ошибке идет за гробом какого то чиновника („Любовь по гроб" Даля). Иногда чиновник идет с жалобой к начальнику, но вместо этого покупает на последние гроши билеты в лотерею ее превосходительства („Повесть о том..." Чехова. На мотиве ошибки построен и сюжет „Ревизора"—впрочем, в этом последнем случае ошибка чиновников тесно связана с другим мотивом—мистификацией Хлестакова и городничего.

2) Мотивом мистификации, или обмана развернута повесть Михаила Погодина „Суженый", несомненно из-

вестная Достоевскому—мистификация в бане. На мистификации же построена повесть Буткова „Первое число“. где молодая девушка мистифицирует двух своих „покровителей“; чиновник мистифицирует знакомых, уверяя их, что он умер („Тревогин“). Молодая чиновница устраивает мужу хорошее место путем обмана жены начальника и ее любовника (Плещеев „Чиновница“). Ср. далее водевиль „По городской почте“ Григорьева и др.

3. Обширная группа рассказов выдвигает мотив неожиданной в чрезвычайно важной находки, всецело анекдотический. Такова находка письма к Александре Михайловне Неточкой Незвановой; находка 50 тысяч рублей, завещанных Гореву матерью, в потайном ящике бюро („Горев Николай Федорович“ Гребенки). Такова перина, в которой нашли 20.000 после смерти музыканта (Чехов „Старый дом“) и 2.000, найденные в тюфяке нищего Прохарчина. Сюда же отнесем и неожиданные открытия значительного чиновника Елецкого, что его жена—дочь барского шута („Нахлебник“ Тургенева), или открытие молодого человека („Извините“). Как бы велики ни были последствия такой находки или открытия—они всегда анекдотичны, так как ничем обычно не мотивируются. Деньги находят, нищие или у нищего; шут оказывается честным и благородным и т. д. События эти редко сопряжены с глубокими психологическими переживаниями, но они всегда влекут за собой занимательные ситуации.

Часто эти открытия делаются посредством подслушивания. 4) Мотив подслушивания бедным чиновником чьих-то разговоров часто развертывается Бутковым („Хорошее место“), Чеховым („Винт“, „Тост“). Невеста чиновника подслушивает его любовное об'яснение с другой („Букеты, или петербургское цветобесие“ Соллогуба). Отчасти эта ситуация развернута и в „Горе от ума“—Лиза, Молчалин и Софья. См. также Зотова „Любовь

мелких людей", Тургенева „Нахлебник". У Достоевского прием подслушиванья, особенно част в его романах (Верховенский, „Подросток" и др.), в ранних же повестях о чиновниках мы встретим его, например, в „Елке и свадьбе".

Пятым мотивом явится внезапная и неожиданная встреча чиновника с кем-либо, встреча, которая его потрясает и изменяет его образ действий. Чаще всего это встреча с ней, с прекрасной незнакомкой („Суженый", „Дальний родственник", „Соседка", „Партикулярная пара"; у Достоевского „Белые ночи"), но это необязательно: бывают встречи с его превосходительством („Благодарный" Чехова, у Достоевского „Скверный анекдот"), с обманутым мужем („Чужая жена" Достоевского), либо это внезапная встреча его с товарищем (Чехов „Тонкий и толстый"). Упомянем здесь „Лото в клубе", „Луидор", „Иван Иванович", „Наталья Ивановна", „История булавки", „Порядочный человек" и многие другие.

Шестой мотив—внезапное вмешательство третьяго, всегда значительного лица и начальника чиновника, в его отношения с девушкой. Иногда этот приход „третьяго" случается к счастью бедного чиновника. Так, приезжий граф Любин увлекается его красивой женой и дает мужу место в Петербурга (Тургенев „Провинциалка"), но обычнее исход неблагоприятный („Ленточка", „Соседка"). Покровитель „сидит" в день имянин чиновника у его жены; чиновник, голодный, тщетно ждет его ухода (Чехов „На гвозде"). О том, насколько этот мотив „вмешательства" распространен у Достоевского, мы говорили выше. Добавим еще один пример из „Бедных людей": „У них сирота одна воспитывалась, изволили пристроить ее, выдали за человека известного, за чиновника одного, который по особым поручениям при их же сиятельстве находился Сына одной вдовы в какую то канцелярию пристроили".

Седьмой мотив—смерть чиновника и восьмой—сумасшествие особенно характерны для морфологии финала повестей. Чиновник умирает от нервной горячки („Шинель"), Иван Николаевич в пов. Плещеева „Благодеяние", уволенный писец Чужбин, в пов. „Любовь мелких людей", Ананий Иваиович—„Темный человек" Буткова и мн. др.) у Достоевского мотив смерти развернут в „Бедных людях" (Покровского), откуда с различными мелкими вариациями попал в „Братья Карамазовы" (смерть Илюши и его похороны); в горячке умирает Прохарчин.

Мотив сумасшествия имеет свою историю. Его генезис необходимо вести от романтической повести (большей частью Гофман). „Отеч. записки" пишут, напр., по поводу повести Корфа „Отрывки из жизнеописания Хомкина" (том 2, стр. 18 библиогр. обзора): Это тесное сближение чиновников с привидениями и дьяволами обнаруживает в авторе намерение подражать неподражаемому Гофману". Гофмановская традиция в русской литературе ведется от Пушкина („Пиковая Дама", „Медный Всадник") и Гоголя „Записки сумасшедшего". В сюжетике натуральной школы этот чисто романтический мотив на первых порах легко уживается с обще реалистическим стилем школы и исчезает лишь с образованием реалистического стиля 60 х годов. Бытованье романтических мотивов вообще характерно для сюжетики 40-х годов, когда еще не изжиты приемы романтиков.

Среди „натуральных" повестей с этим мотивом отметим упомянутые выше по повести Булгарина, „Сто рублей" Буткова, „Почтенные люди", „Первое число" того же Буткова и мн. др.

Достоевский сумасшествием своего героя заканчивает „Двойника" и „Слабое сердце".

Думается нам, этих примеров достаточно для того, чтобы сделать вывод: Морфологический анализ сюжета о „бедном чиновнике" обнаруживает наличие в нем чи-

сго анекдотических мотивов, не углубленных и не развитых психологически—необычайных происшествий и приключений, мистификаций и обманов, смертей и сумасшествий, подслушиваний и ошибок, внезапных встреч, находок и открытий. Эти мотивы имеют настолько важное значение в композиции повестей, что и самые повести часто становятся анекдотическими.

Достоевский не только не составляет в этом отношении исключения, но, наоборот, в огромном большинстве своих повестей о чиновнике идет по дороге, уже протоптанной его предшественниками. Критики, а вслед за ними и историки литературы традиционно утверждают Достоевского, как революционера, впервые введшего „психологическую повесть" о чиновнике в литературный обиход. Такой взгляд должен быть пересмотрен, ибо он не историко-литературный. Два уклона легко намечаются в повестях о чиновнике в 40-х годах: „чистого анекдота" (Даль, Гребенка, Бутков, Соллогуб) и „психологической повести" (Павлов, Панаев, Пальм и др.) Достоевский продолжает обе эти традиции. Ошибка историков литературы заключалась в том, что они просмотрели психологическую повесть 40-х годов, которая несомненно оказала влияние на Достоевского. С другой стороны, критика не обратила внимания на анекдот у Достоевского, который развертывался в его раннем творчестве наряду с „Бедными людьми" и „Хозяйкой". Историки литературы охотно „простили" „Роман в 9 письмах" и „Скверный анекдот" автору „Бедных людей". Нам, об'ективным исследователям, нечего „прощать" Достоевскому, ибо от этого прощения только упрощается литературная эволюция.

Гипотеза о „психологичности" Достоевского явно не покрывает всего его раннего творчества. Несомненно, что исключительно психологичны его „Бедные люди", но они стоят в стороне, и по ним нельзя судить о моло-

лом Достоевском. Но уже в других психологических повестях в „Двойнике", „Слабом сердце" и „Белых ночах" обычные анекдотические мотивы так ярки и заметны, что эти повести во всяком случае не являются „психологическими", как это принято думать. Мотив сумасшествия Васи, развернутый без мотивировки, внезапные встречи и знакомства в „Белых ночах", чрезвычайная сюжетность „Двойника"—все эти мотивы внепсихологичны. Сентиментально-романтический стиль не может скрыть наличность в этих повестях анекдотического костяка, часто выпирающего и обнаженного.

Что же касается третьей группы повестей: „Прохарчина", „Ползункова", „Романа в 9 письмах", „Елки и свадьбы", „Чужой жены", „Ревнивого мужа" и „Скверного анекдота", то здесь мы найдем анекдотический сюжет, совершенно обнаженный и свободный от каких бы то ни было психологических мотивировок; первенство сюжета в этих повестях очевидно.

Достоевский 40-х годов—двуликий, и недопустимо во имя иконописных целей забывать, что он автор не только „Бедных людей", но и „Романа в девяти письмах". По „Бедным людям", начальному произведению Достоевского, нельзя судить о его творчестве за пять лет. Не только психологические повести писал Достоевский; он углублял и развивал „натуральный" анекдот о чиновнике вплоть до 60-х годов (1862). Обе традиции в его творчестве сосуществовали.

Не претендуя на окончательный синтез и на решение вопроса, какой жанр количественно и качественно у Достоевского преобладал, мы перейдем теперь к критикам Достоевского и постараемся показать, что анекдот его не эпизодическое явление в русской литературе, что критика улавливала связь его с „натуральным" анекдотом, и что и факт непризнания Достоевского об'ясняется между прочим и анекдотической сюжетикой ранних произведений о чиновнике.

VII.

Анекдот этот сразу был угадан критикой, и она им осталась недовольна. Мы видели, что эта тема сделалась мало по малу трафаретом, что она наскучила обществу и критике, на этот раз единодушно требовавшей новых тем и образов. „В „Двойнике" многих хороших мест, к сожалению, погибло в общей растянутости и неудачной психологичности рассказа" [68])—это мнение Добролюбова преобладало среди критики 40-х годов. Она не удовлетворена была „неудачной психологичностью рассказа" и жаждала получить от него психлогичность „удачную". Этого то Достоевский и не давал. „Рассказ „Роман в девяти письмах" просто юмористический рассказ в банальном значении этого слова—род литературы, совершенно не свойственный Достоевскому" [69]). Попутно критика сдержанно указывала, чего она хотела бы от писателей: „Бутков написал „Петербургские вершины". Этот писатель не задает себе важных вопросов, но в нем видна верная наблюдательность" [70]). Между тем, важными стали именно эти вопросы. „Гоголь изобразил пошлое в жизни чиновников и помещиков; натуральная школа осталась при тех же чиновниках и помещиках"—пишет Москвитянин. „Отечественные записки" сожалеют, что г. Бутков совершенно убежал (может быть и случайно) тех тем, которые составляют камни преткновения для его таланта—именно тем психологических" [71]). Между тем Достоевский не следовал советам критики, он выбирал „вычурные темы, вероятно не без расчета на эффект, к которому он уже в ту пору выказывал особенное пристрастие [72]). В огромном большинстве случаев критика осталась недовольна анекдотом, и, когда прошел шум, поднятый по поводу „Бедных людей", критика стала находить, что Достоевский слишком уже любит сводить с ума своих героев" (Добролюбов), что „Прохарчин не выношен автором и обри-

сован весьма неполными чертами, так что читатель не может представить себе душевного процесса, который вывел героя на гибельный путь и привел к жалкой смерти" [73]), что вместо глубокого психологического анализа в повестях Достоевского появляются элементы чисто анекдотического свойства или публицистического характера"... „Как ни мастерски писал он, как ни многозначителен был его талант—в повести „Ползунков", в рассказе о том, как ловко провел начальник подчиненного... серьезного смысла и значения искать было трудно. Еще меньше можно было видеть его в чисто анектическом рассказе о том, как старый ревнивый муж, стремившийся изобличить неверность жены, попал в комическое и невероятное положение—в чужую квартиру под кровать"... „Слабое сердце" трудно понять; автор не показывает, каким образом работа Васи, перемежающаяся с радостями свиданий с невестой и восхищения ею приводит юношу к потере рассудка [74]. Словом, всюду в вину Достоевскому ставится антипсихологичность его сюжетов, которые, как „Скверный анекдот", являются только „слишком банальными" анекдотами. И мы поймем, что на этой же точке зрения стоял Белинский, находя, что „не вдохновение, не свободное наивное творчество породило эту странную повесть („Господин Прохарчин"), а что то в роде... не то умничания, не то претензии... Поэт освещает пламенным светом своей фантазии все сердечные изгибы... представляя нашим глазам одно необходимое, как неизбежный результат достаточной причины" [75]). И тот же Белинский говорит по поводу Буткова: „Вопрос, обнаруживается ли в „Первом числе" художественный талант и тот ум, которого деятельность выражается **не в умении придумать завязку или развязку анекдота**, а в сознании идеи... Самая хитросплетенность рассказа уже предубеждает читателя против художественного таланта г. Буткова"... В общем, критика вполне угадывает не-

достатки „натуралистов", и когда она устами „Москвитянина" говорит, что „юмор автора большей частью не в мысли, а в словах", то подмечает совершенно верно эту анекдотичность рассказов. Когда критик находит, что в „Иване Савиче Поджабрине" Гончаров „много пожертвовал фарсу", мы легко вскроем недовольство критики, в ту пору, ставшей „гуманной". Она требовала совершенно иного. Гениально было восклицание Белинского по прочтении „Бедных людей": „Это первая попытка у нас социального романа"—он в этом восклицании сразу выразил все упования и надежды своей группы. Критика все чаще и чаще начинает становиться публицистикой и, разбирая сюжеты, их „корректировать": „Так стало быть положение этих несчастных, забитых униженных и оскорбленных людей совсем безвыходно?" —патетически спрашивает Достоевского Добролюбов!

В стремлении сделать писателя глашатаем своих идей критики упрощают его произведения, настойчиво их гуманизируя и заботливо стирая все признаки анекдота, как „банальные" и несерьезные. Добролюбов строит на матерьяле Достоевского „идеальную теорию общественного механизма", Введенский уверяет, что в „Елке и свадьбе" „проводится старинная мысль о ненормальности неравного по возрасту брака", Булич найдет что, то, что Вася сошел с ума из боязни, что его отдадут в солдаты, психологически вероятно. Такое наказание тогда было вполне возможно (!) [76]. В результате такого приспособления, „гуманными, оказались самые невинные его рассказы.

Вторая часть его сюжетов—анекдотические—должна быть восстановлена в правах, и тогда роль его в сюжетике 40-х годов станет ролью продолжателя натуральных традиций.

VIII.

В работе над „Неточкой Незвановой" Достоевского застает заключение в каземате и 8 летний перерыв твор-

ческой деятельности. Цикл повестей из жизни бедного чиновника завершается. Когда через 8 лет Достоевский вновь получил возможность вернуться к литературной деятельности, он принимается за другие темы. Образ бедного чиновника встречается у него в некоторых критических статьях и в романах, но теперь он лишен того центрального значения, которое имел до каторги. Сентиментальный или авантюрный жанр повестей о бедном чиновнике закончен. Начинается разработка этой темы сквозь дымку личных воспоминаний, в стиле мемуарном.

Такую разработку темы представляют две малоизвестные статьи Достоевского за 1861 год: „Нечто о раскольниках и нечто о чиновниках“ и „Петербургские сновидения в стихах и прозе“ [77]). Обе статьи очень интересны для характеристики тех тем, которые занимают молодого Достоевского. В первой статье рисуется образ петербургского чиновника, „постоянно хлопотливого и работящего, который прослужил всю свою жизнь. Так бегал он от жизни, и жизнь сама от него убежала вдаль, невозвратно оставив его с одними мертвыми бумажными грудами“.

Вторая статья интереснее. Она представляет из себя как бы „дневник мечтателя“, близко подходя по стилю к „Белым ночам“. Начинается она реминисценцией из „Слабого сердца“, целиком воспроизводя то место повести, где молодой мечтатель остановился у Невы и бросил взгляд на реку. „Становился мороз в 20 градусов... Мерзлый пар валил с усталых лошадей, с бегущих людей“ и т. д.

И вот, на этом фоне старого Петербурга, Достоевский развертывает целую цепь вариаций на темы повестей раннего периода. „Когда судьба вдруг толкнула меня в чиновники, я... служил примерно, но только что конец, бывало, служебные часы, бегу к себе на чердак,

развертываю Шиллера, и мечтаю, и упиваюсь и т. д. У него есть знакомый чиновник, у которого „всего имения было только „шинель, как у Акакия Акакиевича, с воротником из кошки, которую, впрочем, всегда можно было принять за куницу“...

„Жил был один чиновник, разумеется, в одном департаменте. Ни протеста, ни голоса в нем никогда не бывало; лицо вполне безгрешное. Белья на нем почти тоже не было“ (реминисценции из „Прохарчина“ — у того также не было белья). От бедности, холода и голода он вдруг „заговорил, как Валаамов осел, но проговорил так странно, что его отвезли в сумасшедший дом“.

Следующая история как бы реставрирует „Прохарчина“: „Открылся вдруг новый Гарпагон, умерший в самой ужасной бедности на грудах золота .. некто отставной титулярный советник Соловьев, имевший около 80 лет от роду. Он нанимал себе угол за ширмой за три рубля... за квартиру во время не платил, оставшись после смерти должен за целый год... Он отказывал себе в свежей пище даже в последние дни своей жизни. После смерти Соловьева, умершего на лохмотьях, посреди отвратительной и грязной бедности найдено было в его бумагах 169,022 р. кредитными билетами и наличными деньгами“.

Эта критическая статья представляет пересказ тем „Прохарчина“, „Слабого сердца“ и „Белых ночей“ с постоянными подчеркнутыми реминисценциями из Гоголя. Очень показательно то, что „бедному чиновнику“ после 1862 года („Скверного анекдота“) Достоевский уже не посвящает произведений. Задумав в 60-х годах роман „Пьяненькие“, который должен был разработать вопрос о пьянстве, Достоевский этого романа не написал.

Он уже в ту пору задумывается над темами этико-психологическими и ему не до вариаций на тему о „бедных людях“. Замысел „Пьяненьких“ переходит к 1866 году в роман „Преступление и Наказание“, а герой

замысла, пьяненький чиновник Мармеладов, входит в качестве эпизодического лица в новый роман. В „Преступлении и Наказании“ многое напоминает узоры ранних повестей: сам Мармеладов, спившийся чиновник, когда то чистенький и благородный, напоминает Макара Девушкина, также „пьянен кого“ (и отчасти старика Покровского). Психологический облик Сонички восходит к Вареньке Доброселовой, жильцы Амалии Ивановны напоминают Зимовейкина и Преполовенко—жильца из Прохарчина. Наконец ситуацию, до такой степени характерную для повестей о чиновнике, образуют Разумихин, влюбленный в красавицу Дуню, Дуня и ее жених—„значительный чиновник“ Лужин. Все эти образы воспринимаются на фоне ранних повестей, как продолжение старого, но, конечно, это не так. И Катерина Ивановна, и Сонечка, и Мармеладов, и Лужин—персонажи второстепенные, и темы их также же второстепенные, по сравнению с темой Раскольникова, густо насыщенной новыми ситуациями и мотивами. Здесь „пьяненькие“—лишь фон для „Преступления и Наказания“, а привычные узоры первых повестей сильно усложняются. И когда в 1870 году появляется „Вечный муж“, то при всем сходстве первой сцены (у под'езда) с повестью „Чужая жена“ нельзя не заметить между ними глубокое различие. Там эта встреча мужа с любовником трактуется, как анекдот, и замкнута в себе—тут глубокий психологический жанр. Там—исключительно эскизный набросок персонажей, здесь—глубокие и четкие Трусоцкий и Вельчанинов. Там анекдот, здесь—психологический роман с анекдотической завязкой. Общие черты процесса ясны: Достоевский, не удовлетворяясь более темами „натуральной школы“, бросает мало по малу тему „бедного чиновника“, лишь изредка пользуясь этими образами, как фигурами фона. Сбрасываются старые одежды, за 20 лет порядочно обветшавшие. Между тем, оставленная писателем тема в 50-х и 60-х годах развертывается новым матерьялом в соответ-

ствии с общим умонастроением и спросом 60-х годов. В 50-х годах еще живет прежняя „натуральная" трактовка темы о бедном чиновнике, лишь отойдя на второй план. Эта трактовка дает подчас неплохие образцы такого канонизированного анекдота: таковы „Чиновница" Плещеева (1857), его же „Шалость" (1861), „Чиновник" (1863), „Мои сослуживцы" и „Робкий человек" Г. (1863 и 1864) в особенности „чиновник" Афанасьева-Чужбинского (1856) и „Любовь мелких людей" Зотова (1857). Но наряду с этим появляется новый жанр повестей, где та же тема развертывается с яркими подчеркиваниями 60-х годов, обличительно-гражданский. Интересна в этом отношении комедия Львова, имевшая громадный успех—„Предубеждение, или не место красит человека, а человек—место" (1858). Вначале как будто бы старые ситуации: молодой, бедный чиновник любит дочь генерала, она так же любит его, но отец против их брака, потому, что (здесь—новый элемент) молодой человек—становой пристав. Комедия традиционно завершается веселой свадьбой влюбленных, но новой является концовка: генерал примиряется с молодым чиновником, ибо „не место красит человека, а человек место". Яркая печать 60х- годов лежит и на комедии Островского „Доходное место". Герой ее бедный, но стойкий, честный чиновник Жадов; особенно патетично и обличительно последнее действие: правда восторжествовала, и бедный чиновник счастлив.

Проходят 60-ые годы, настает обмеленье общественной жизни, и анекдот снова мельчает, приобретает юмористический оттенок. Сатира сменяется иронией и легким безобидным смехом. Перед нами 30 анекдотов о бедном чиновнике Антоши Чехонте [78]). Прежние, казалось бы, забытые узоры продолжаются: канцелярский быт с мелкими чиновниками и громовержцами начальниками („Рассказ которому трудно приискать заглавие", „Лотерейный билет", „Смерть чиновника", „Магне

тическое средство", „Сущая правда", „Речь и ремешок" и другие); быт чиновников, их дежурства в праздник („Мелюзга"), их взятки („Справка"), наконец, анекдоты с ситуацией: муж—жена—любовник, его превосходительство („На гвозде", „Дурак", „Анна на шее", „Благодарный" и др.) Сам мелкий, бедный чиновник с прежней артикуляционной фамилией Капалотова или Прекрасновкусова невольно заставляет нас вспомнить Папаева и Гребенку, Булгарина и Буткова. Безусловно справедливым представляется мнение проф. Батюшкова: „Никакой общей тенденции" говорит он, „нельзя было вывести из последовавших за „Бедными людьми" рассказов. Гуманическое направление, которое придумал Добролюбов, в сущности весьма мало соответствует действительному содержанию произведений Достоевского за этот период и, странным образом, только теперь, пережив творчество Чехова, мы как бы ближе подходим к пониманию этих художественных опытов Достоевского" [79]).

Это несомненно так, и понятно почему: и Достоевский, и Чехов вышли из этого анекдота о „бедном чиновнике". Вот почему Чеховские ранние рассказы зачастую повторяют мотивы Достоевского. Сравним напр мотив находки денег у бедного нищего в „Прохарчине" и „Старом Доме"; эпизод с листом в передней у его превосходительства в „Слабом сердце" и в рассказе „Тайна". Наконец, пов. „На гвозде" ближайшим образом сходится по сюжету с повестью Буткова „Хорошее место". У Антоши Чехонте оживают ситуации, так обильно встречавшиеся в сюжетике натуральной школы.

Достоевского пора изучать не только an sich, но и как литературное явление, поставив его в одну фалангу русских писателей. Его сюжеты не явились результатом его личного писательского творчества; элементы их, подчас уже комбинирующиеся, бытовали до него в сюжетах

натуральной школы. Ему так же, как и Гоголю, оставалось произвести их отбор и творчески их комбинировать. Повидимому, это приходится на долю всякого большого писателя. Он немыслим вне связи со средой; даже тогда, когда он от нее отталкивается, ее преодолевает. Как говорил еще Паскаль, великий писатель, хотя на голову и выше мелких, но ногами он стоит на той же почве, что и они. Эта „литературная почва" должна быть изучаема прежде всего потому, что только после этого станет ясной вся творческая инициатива великого писателя. Прежде чем решать, как великий писатель преодолевал литературные шаблоны, надо установить эти шаблоны...

„Значенье второстепенных писателей редко бывает ценимо с соответствующих точек зрения".

Ноябрь 1922 г. Москва.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Горнфельд „О русских писателях“ I, 49 сл.

2. Тынянов Юрий „Достоевский и Гоголь“ П. 1921. В. В. Виноградов „Стиль петербургской поэмы“, „Двойник“ 1922. В. Ф. Переверзев „Творчество Достоевского“.

3. Пользуемся некоторыми замечаниями В. Виноградова; во всех других случаях пособия заменены источниками.

4. Веселовский „Поэтика сюжетов“ т. 2-й, вып. I.

5. Эйхенбаум „Как сделана шинель“. И сочинения Гоголя в изд. 7, том. 2, стр. 621.

6. Сочинения изд. X, том 6, стр. 589.

7 „Начало 1922 № 1 Виктор Виноградов „Сюжет и композиция повести Нос“.

8. Гоголь. V, стр. 610 и II, 610—„Записки сумасшедшего“ первоначально помещены в „Арабесках“ 1835 г. а „Шинель“ в „сочинениях Н. Гоголя“ 1842.

9. По независящим от нас обстоятельствам эти повести остались непросмотренными. Содержание трех листков цит. по Виноградову сб. „Достоевский“ ред. Долинина 1922, Сиб.

10. См. его же „Чиновник“ Сиб. 1842—вариации на тему о жизни чиновников—физ. очерк.

11. Булгарин „Памятные записки титулярного советника Чухина или простая история обыкновенной жизни“ Сиб. 1835, 2 части.

12. Павлов Н. Ф. „Новые повести“ Спб. 1839. Из писателей 30-х годов Павлов особенно несправедливо забыт историей литературы.

13. „Шинель“ Гоголь II, 85.

14. „Московский Городской Листок“ 1847 № 116, стр. 465.

15. Плетнев. Сочинения, том 2-ой.

16. „Спб. Ведомости“ 1847 № 4. Э. Губер, стр. 14.

17. Ал-др Пальм „Один день из будочной жизни“ Моск. Гор. Листок 1847 № 115, стр. 479.

18. Несомненно здесь отзвуки знаменитого „гуманного места“ „Шинели“ („я брат твой“) ср. у М. З. „Иван Иванович“, Отеч зап. 1858, VIII, то есть через 16 лет после „шинели“: „Господи, господи! Вот живут в довольстве, кажись не из за чего бы злиться—а злы! Смеются над человеком, который вырабатывает кусок хлеба и вицмундир, сидя всю жизнь свою, скорчившись, над бумагами, наживает и кашель, и немилосердную боль в голове, и ломоту в поясняце“.

19. П. Горский „Сатирические рассказы“ Спб. 1864, часть 1-я „Бедные жильцы“ 55.

20. Стиль носит (через 20 лет) сильный отпечаток гоголевской школы; гоголизмы на каждом шагу (особенно «Мертвые души» стр. 18, 91, 5, 6, 7 и далее 141) эпизод „мертвых душ“ (в трактире).

21. Плещеев „Призвание“, „Светоч“ 1860, I и II

22. „Отечеств. записки“ 1839, 3.

23. Сочинения 1862, том I.

24. Соллогуб В. А. „Букеты или петербургское цветобесие“ Спб. 1845 (шутка в 1 действии).

25. Ал-др Пальм „Спб. Вед.“ 1848 № 207.

26. Бутков „Петербург. вершины“ 1846, I.

27. Плещеев „Будни“ Рус. вестник 1858, том 12 № 3 и 4.

28. Н. А. Перепельскмй (Некрасов) „Пантеон и репертуар“ 1840 № 5

29. Над. Вол „Верочка“ «Отеч. зап.» 1848, 8, смесь.

30. Несторенко „Chef d'œvre“ «Литер. Газета» 1843 № 25; история мещанского брака мелкого чиновника на дочери своего начальника и их идиллическая жизнь—в пов. А. Климовича „Большое Лото“—„Пантеон и репертуар“ 1848, 3.

31. Г-жа Айкар „Луидор“, «Литер. Газета» 1833 № 43

32. Плещеев „Дружеские советы“, «Отеч. зап.» 1849, 3.

33. Барон В. «Литер. Газета» 1840 № 101.

34. „Современник“ 1850, II см. также пов. Мих. Достоевского „Дочка“, где рассказана история неудавшегося брака дочери чиновника с их жильцом «Отеч. записки» 1848. 9.

35 «Отечеств. записки» 1848, 8, смесь.

36. Отметим еще 2 повести: первая (пьеса) построена на мистификации отца дочерью и возлюбленным; Григорьев »По городской почте». Бедный чиновник Прыгунов любит сироту-воспитанницу Лелечку, но жениться не может, ибо он без места. Путем мистификации (подложное письмо) он достает место, на которое претендовал Бедняжкин. Другая повесть - Медведовского „история булавки“ «Спб. Вед.» 1847 № 42. Молодой чиновник нашел на улице булавку; на балу одалживает ее начальнице, угождает ей и „через 2 недели он столоначальник“ входит в дом начальника, но возбуждает ревность мужа; чиновник теряет место.

37. «Отеч. записки» 1851, 1.
38. Панаев И. «Сочинения» том 5, 1860
39. «Рассказы Моск. Вестника» 1859, том 7 и 8.
40. «Русский Вестник» 1857, том 8.
41. Григорович, сб. «Для легкого чтения» том 2.

42. «Юмористические рассказы нашего времени» Абракалабры. Спб. 1846, 2 кн. Феклист Парамонович, бедный чиновник, влюблен в дочь экзекутора. Она кокетничает с ним, поручает ему покупки на его деньги (ср. «Бедные люди»). Выходит за другого замуж; чиновник заболевает, его выгоняют.

43. «Сын отечества», № 7 и 10.

44 Афанасьев-Чужбинский «Русский Вестник» 1856 IV, ср. описание канцелярии в пов. «Служба и дружба» Р. М. Зотова: «Какой приятный, торжественный и великолепный вид представляет всегда департамент в минуты присутствия... О, как все приятно и великолепно! Какая поучительная картина во всякой служебной сфере! Сколько в ней филосовского и астрономического» (Пант и Рен), 1841, 2.

45. «Отеч. зап.» 1840, том 13.

46. «Отеч. зап.» 1849, 2, том 62. Ракитин, «чиновник из недовольных», «мечтатель», покупает за 5 рублей на толкучке таинственную картину («Рубенс?»). Его товарищ ее покупает у него за 3.000. Художника эта картина мучает; он «свернулся» в течение месяца. Финал—Ракитин, получив деньги, „самый краснощекий и практичный человек в своем порядочном кругу».

47. „Современник“ 1859, XII.
48. „Отеч. зап.“ 1859, 6.
49. „Литер. газета“ 1845, № 6, от 8 февраля.
50. „Сочинения“ Спб. 1842, том. 4.
51. „Литерат. Газета“, Ал. Раменский, 1845, № 26 „Трижды отмеряй, один раз отрежь“.
52. „Пантеон и репертуар“ 1848 № III, 103
53. „Пантеон и репертуар“ 1848, IV.
54. Машков П. «Повести» Спб. 1833—5, 5 тт.
55. Островский «Записки Замоск. жителя». Характерная манера гоголевского сказа... Наружность Ивана Ерофеича... но, позвольте... почтенные читатели, я боюсь и за себя, и за Ивана Ерофеича; боюсь... итак, я не покажу вам Ивана Ерофеича, но Иван Ерофеич просится на свет“ и т. д.

56. Барон Корф „Мундир“ „Спб. Вед.“ 1847, № 117 след. Александр Иванович подписал не глядя бумагу; скандал в департаменте. Бедного чиновника невинного увольняют. А. И. сходит с ума.
57. „Финский Вестник“. 1846, VIII, 73 сл.
58 „Спб. Вед.“ 1847, № 84.

59. „Современник“ 1850, II, 29 сл.

60. „Финский Вестник“ 1846 кн. 8, стр. 7[illegible].

61. П. Машков „Повести“ Спб. 1833—35 Финал: „В доме сумасшедших сидит один помешанный который ничего не говорит со своими товарищами, но чуть только отворят двери, он тотчас кидается навстречу: „Что видели, Марию Панкратьевну? Куда она девалась с моими деньгами?“

62. Смотри приложение: главное сходство обоих рассказов в композиции (2 встречи с перерывами, последовательность событий одинакова).

63. „Один день из будничной жизни“. Ср. также упомянутый уже рассказ М. З. «Отеч. зап.» 1858, VIII с „Бедными людьми“. Иван Иванович рассуждает о литературе: „а хорошо было бы, если б давали бедным чиновникам книжки“. Как и Девушкину, ему попадаются сначала книжки забавные, где про любовь, и про дуэли разные писано и т. д.

64. „Роман в письмах“ (анонимн.) „Литерат. Газета“ 1845, № 4 от 1 февраля; Достоевский написал „Роман в 9 письмах“ в ноябре 1845 года, „очень быстро“ см. Миллер „Биография“ II, 42.

65. Его многочисленные отзывы о современной русской литературе: о Вельтмане (Миллер II, 26), о Григоровиче (I, 51), о его „Деревне“ (60), Майков отмечает „постоянное литературное чтение“ (I, 49) и т. д.

66. „Северная пчела“ 1846 № 48.

67. См. статью М. А. Петровского „Композиция новеллы у Мопассана“, „Начала“ 1922 № 1, стр. 108 след.

68. Добролюбов II, 880.

69. Введенский. „Общественное самосознание в русской литературе“.

70. „Москвитянин“ 1847 № 1, стр. 153.

71. „Отеч. зап.“ том 47, стр. 11.

72. „Вестник Европы“ 1881 № 3; А. В. Литер обозрение.

73. Добролюбов IV, 900.

74. Введенский стр. 175, 7, 86.

75. Белинский „Современник“ 1847 X, 420.

76. Булич Ф. В. Достоевский 1881. стр. 34.

77. Достоевский. Сочинения, изд. „Прсвещенье“, том 22, стр. 179 и 253.

78. Заканчивая историю мотива молодым Чеховым, мы не можем не указать на чрезвычайно характерный рассказ А. Куприна „Гранатовый браслет“, повествующий о несчастной любви бедного (чиновника Желткова, с „неприличной фамилией“) к княгине Шеин.

79. „История русской литературы 19 века“ ред. О. Куликовского, том IV стр. 250).

80. К главе 1-ой. Повесть о бедном чиновнике в 30-х годах развертывается романтическими по преимуществу мотивами. См. например, повесть А. Емичева „Любовь бедных людей“ („Библиотека для чтения“ том 13, 1835 года). Владимир служит в губерском правлении в качестве мелкого чиновника. Он получает „сто или двести рублей жалованья... медью“. Он любит приемную дочь губернатора Лизу. Его начальник Семен Петрович тотчас составил план действий. Он отговаривает Лизу; говорит Владимиру, что та выходит замуж. Пользуясь протекцией губернатора, сам женится на ней. Владимир застрелился, Лиза умерла. „Род ее смерти по сию пору остается загадкою“. Она говорила, что ее преследует страшное привидение и зовет гулять с собой в сад, грозя в противном случае застрелить из пистолета“ (176).

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Нам удалось при просмотре журналов и книг 30-х годов разыскать повесть Михаила Погодина „Суженой“ (II, 250).

В этом рассказе есть одна сцена (встреча молодого человека с девушкой в церкви), которая представляет разительное сходство с «Хозяйкой».

Мы приводим ниже оба рассказа параллельно, имея в виду показать, как подчас сильно было на Достоевского это влияние русской повести.

Погодин „Суженый“.	**Достоевский „Хозяйка“.**
Однажды в воскресенье... зашел он к обедне к Николе. Достойна уже отошла; ему было стыдно итти вперед: он остановился в трапезе (251).	Служба только что кончилась, церковь была почти совсем пуста... Ордынов прислонился к стене в самом темном углу церкви.
В углу перед местным образом стояла девушка в черном атласном салопе, на лисьем чернобуром меху, в тафтяном розовом платочке, который чуть чуть накрывал ее маковку...	Это был старик и молодая женщина... Женщина была лет 20 и чудно прекрасна. На ней была богатая голубая подбитая мехом шубейка, а голова покрыта белым атласным платком (334).
На сердце у него происходило новое, странное: оно и трепетало, и останавливалось и совсем замирало.	Ордынов... поражен, бичуемый каким-то неведомо-сладостным и упорным чувством.

Оба тихо вышли из церкви.

Ордынов быстро пошел вслед за ними и на церковной паперти перешел им дорогу. Уже совсем смерклось; он шел поодаль... Вошли в переулок, где был 4-этажный каменный дом.

Образ плачущей женщины ярко поразил его воображение (336).

Служили обедню. Он выбрал место, с которого мог видеть почти всех молившихся; но тех, которых он искал, не было. После долгого ожидания, он вышел краснея.

Незнакомка его была уже там. Она стояла на коленях у самого входа между толпой молившихся...

Он слышал порывистое дыхание, вылетевшее из ее уст, шептавших горячую молитву. Черты лица ее были потрясены непрежнему чувством беспредельной набожности, а слезы опять катились и сохли на горячих щеках ее (337). Он не мог выдержать... и зарыдав, склонился воспаленной головой своей на холодный помост церкви (338).

В голове Ордынова уже явилась мысль, сложился один из

По окончании обедни он выждал, пока его красавица вышла из церкви с одною пожилою женщиною, вероятно, своею матерью.

Пошел издали за ними и проводил их до дома каменного и высокого.

Всю следующую неделю темпорусая красавица не выходила у него из головы.

На следующее воскресенье, лишь только в соборе ударили в большой колокол к обедне, он отправился в церковь, где увидел в первый раз свою красавицу и выбрав выгодное для себя место... притаился за столбом. (Ее еще нет. А. Ц.).

Девушка стала с матерью на прежнее место и не отводила глаз от образа, перед которым молилась. Она показалась ему еще прекраснее.

С какой набожностью она стояла, как усердно молилась! Глаза ее часто наполнялись слезами. Вещие были эти слезы для молодого человека: ему почудилось, что девушка об нем молится Богу, и он сам заплакал, сам с пламенным чувством стал молиться об ней (254).

Он вышел из церкви, как человек, принявший твердое на-

решительных странных планов...	мерение, избравший решительные средства и желающий стремиться к цели, не тратя ни одной минуты в бездействии.
На завтра в восемь часов утра он подошел к дому со стороны переулка...	Прямо отправился он к дому Чужова, к счастию, дворник в это время отгребал лопатою снег с тротуаров; искусно вступил с ним в разговор.
(и далее разговор с дворником).	

Сходство между этими повестями, главным образом в параллельном развертывании действия, хотя попадаются и совпадения в лексике. Повидимому Достоевский знал пов. Погодина, хотя, может быть, переносил ситуации „суженого“ в «Хозяйку» бессознательно.

Что касается разговора с дворником в «Хозяйке», то здесь мог бы на «Хозяйку» оказать влияние «Отрывок из начатой повести» Лермонтова, помещенный в сборнике Некрасова „Вчера и сегодня“ 1845 (I, 71—91), хотя эти сближения гораздо более общи, нажели с „Суженым“.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

книги АЛЕКСАНДРА ЦЕЙТЛИНА

„ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ“ 40-х годов

(из истории натуральной школы)

ПОСТИ КУПРИНА

Генезис.—Стиль.—Литературная среда

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
10003143518